

МАТЕРИАЛЫ XXVIII МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Новосибирск, 2013 г.

УДК 34
ББК 67
В74

В74 «Вопросы современной юриспруденции»: материалы XXVIII международной заочной научно-практической конференции. (28 августа 2013 г.) — Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. — 122 с.

ISBN 978-5-4379-0329-2

Сборник трудов XXVIII международной заочной научно-практической конференции «Вопросы современной юриспруденции» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной юриспруденции.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям в области практической юриспруденции и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития юриспруденции.

Рецензент — кандидат юридических наук, доцент кафедры экономико-управленческих и правовых дисциплин, филиал Российского государственного гуманитарного университета, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, Андреева Любовь Александровна.

ББК 67

ISBN 978-5-4379-0329-2

© НП «СибАК», 2013 г.

Оглавление

Секция 1. Административное право и процесс	6
АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ «О МЕРАХ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ДЕТЕЙ, ИХ ФИЗИЧЕСКОМУ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМУ, ПСИХИЧЕСКОМУ, ДУХОВНОМУ И НРАВСТВЕННОМУ РАЗВИТИЮ НА ТЕРРИТОРИИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ» ОТ 25 ДЕКАБРЯ 2012 ГОДА Портнягина Елена Владимировна	6
Секция 2. Актуальные вопросы противодействия общеуголовной преступности	18
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ПРЕСЕЧЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПРОТИВ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ Манукян Алинэ Романовна	18
Секция 3. Гражданское, жилищное и семейное право	24
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ Расеева Хеди Адмановна	24
К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ВЕЩНЫХ ПРАВ Муратова Светлана Александровна Смердина Юлия Сергеевна	31
Секция 4. История государства и права России и зарубежных стран	37
ПРИЧИНЫ РОСТА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРЕСА РУССКИХ ПРАВОВЕДОВ К ПРОБЛЕМАМ ОБЫЧНОГО ПРАВА В XIX ВЕКЕ Нехаева Анна Викторовна	37
Секция 5. Конституционное право	42
К ВОПРОСУ О МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ Андреева Любовь Александровна	42

Секция 6. Международное право	54
К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПРАВА МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА Валетова Юлия Александровна	54
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ ДЕЙСТВИЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ Дёмкина Анна Сергеевна	58
Секция 7. Правоохранительные органы	64
СЛЕДСТВЕННО-ОПЕРАТИВНАЯ ГРУППА КАК ОДНА ИЗ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СЛЕДСТВЕННОЙ И ОПЕРАТИВНОЙ РАБОТЫ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ Скогорева Татьяна Федоровна	64
Секция 8. Теория государства и права	71
НОРМОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ Андреева Любовь Александровна	71
СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ Аракелян Элина Рубеновна	78
К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» И «ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ» (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ) Самусевич Алексей Геннадьевич	84
К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ КАТЕГОРИИ «ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ» Струсь Константин Александрович Попандопуло Надежда Анатольевна	91

Секция 9. Уголовное право	96
РАЗУМНЫЙ СРОК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТНИКОВ СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ Архипов Алексей Сергеевич	96
ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА УЧАСТИЯ БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ УМЕРШЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ Максимихина Юлия Олеговна	102
К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОРНОГРАФИИ Шмыков Дмитрий Валерьевич	110
Секция 10. Юридическая психология	115
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТРЕНИНГОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ Кочесокова Залина Хазраталиевна Машекуашева Маргарита Хасанбиевна	115

СЕКЦИЯ 1.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

**АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ
ЗАКОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ
«О МЕРАХ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ
ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ДЕТЕЙ,
ИХ ФИЗИЧЕСКОМУ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМУ,
ПСИХИЧЕСКОМУ, ДУХОВНОМУ
И НРАВСТВЕННОМУ РАЗВИТИЮ
НА ТЕРРИТОРИИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ»
ОТ 25 ДЕКАБРЯ 2012 ГОДА**

Портнягина Елена Владимировна

*канд. полит. наук, доцент кафедры правоведения,
государственного и муниципального управления,
Омский государственный педагогический университет,
г. Омск*

E-mail: portnjgina@mail.ru

**ANALYSIS OF THE IMPLEMENTATION
OF THE LAW OF OMSK AREA
«MEASURES TO PREVENT CAUSING HARM
TO THE HEALTH OF CHILDREN, THEIR PHYSICAL,
INTELLECTUAL, PSYCHOLOGICAL, SPIRITUAL
AND MORAL DEVELOPMENT ON THE TERRITORY
OF THE OMSK REGION» DATED DECEMBER 25, 2012**

Portnjagina Elena Vladimirovna

*candidate of political Sciences, associate Professor of the Department
of jurisprudence, state and municipal management,
Omsk state pedagogical University,
Omsk*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются вопросы реализации Закона Омской области «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию на территории Омской области» от 25 декабря 2012 года. Автор дает правовую оценку закону, выделяя пробелы в законодательстве, дискуссионные положения. В данной статье автором были предложены рекомендации по применению закона специалистами и предложения, которые должны быть использованы комиссией по внесению изменений в данный закон.

ABSTRACT

This article deals with the implementation of the Law of Omsk area «measures to prevent causing harm to the health of children, their physical, intellectual, psychological, spiritual and moral development on the territory of the Omsk region» dated December 25, 2012. The author gives a legal assessment of the law, highlighting gaps in the legislation, discussion provisions. And in the article the author proposes recommendations on application of the law of specialists and proposals, which should be used by the Commission for amendments in the law.

Ключевые слова: учреждения системы профилактики; лицо, осуществляющее мероприятие с участием детей; экспертная комиссия.

Keywords: institutions of the system of prevention; the person carrying out the event with the participation of children; expert Commission.

Последние изменения законодательства, касающиеся прав несовершеннолетних, профилактики правонарушений среди несовершеннолетних и в целом вопросов семьи и детства, позволяют говорить о развитии ювенальных технологий в России, об актуальности данного вопроса.

Ювенальная система представляет собой весьма сложное множественное целое — комплекс концепций и «схем» влияния на подростков, воздействия на человека, семью, первичные группы (непосредственное окружение подростка), а также социальные институты. Четкого понимания сути данного института, а также сути «ювенальных технологий» нет как в законодательстве, так и в обществе. Целенаправленная работа СМИ по созданию негативного отношения к ювенальной юстиции (которой в России нет) требует серьезного изучения данной проблематики с привлечением

всех возможных участников данных отношений, анализа имеющегося позитивного (негативного) опыта внедрения элементов ювенальных технологий в практику работы субъектов РФ [4, с. 61—68].

В контексте данного вопроса необходимо рассмотреть также Закон, получивший название «закона о комендантском часе», он охватывает всех участников правоотношений, где главным субъектом является несовершеннолетнее лицо.

Следует отметить, что принятие Закона Омской области «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию на территории Омской области» от 25 декабря 2012 года обоснован необходимостью исполнения норм Федерального закона от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [7]. Субъектам РФ было рекомендовано принятие данного закона, ряд субъектов аналогичные законы принял еще в 2009 году. На рассмотрение Законодательного Собрания Омской области данный законопроект вносился в 2008 и в 2010 году. В настоящее время содержание закона вызывает различные оценки экспертов.

Субъектами правоотношений, регулируемых данным законом, являются родители или законные представители, учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, юридические лица, индивидуальные предприниматели, в том случае если вид предпринимательской деятельности связан с продажей алкогольной продукции, табачных изделий и других видов деятельности, указанных в законе; непосредственно несовершеннолетние.

Закон регулирует отношения, связанные с определением мер по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, духовному и нравственному развитию на территории Омской области, и устанавливает порядок сокращения ночного времени, в течение которого не допускается нахождение детей без сопровождения родителей, порядок определения мест, нахождение в которых не допускается, порядок уведомления родителей, органов внутренних дел в случае обнаружения детей в вышеуказанных местах, а также порядок доставления детей к родителям [2].

Как уже отмечалось ряд субъектов РФ приняли аналогичные законы еще в 2009 году. Законы отдельных субъектов пошли по пути более подробной регламентации некоторых положений, в том числе выделив отдельную статью «Понятия, используемые в законе». Закон

Омской области такой статьи не содержит, поэтому автор считает необходимым остановиться на разъяснении понятия «дети» и понятия «лицо, осуществляющее мероприятие с участием детей». Как правило, категория «дети» тождественна понятию ребенок. Данное понятие регламентировано федеральным законодательством и под ним понимается несовершеннолетнее лицо, не достигшее 18-летнего возраста. Стоит отметить, что в аналогичных законах ряда субъектов под термином дети понимается лицо, не достигшее 16 летнего возраста (так федеральное законодательство дает возможность субъектам самостоятельно устанавливать возрастные ограничения с учетом национальных и иных особенностей), при этом данное возрастное ограничение указано в законе. Закон Омской области распространяет ограничения, связанные с пребыванием детей в ночное время и ряде общественных мест, которые могут нанести вред здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию на всех несовершеннолетних лиц, не достигших 18-летнего возраста.

Лицо, осуществляющее мероприятие с участием детей — это «лица, осуществляющие мероприятия по образованию, воспитанию, развитию, охране здоровья, социальной защите и социальному обслуживанию детей, содействию их социальной адаптации, социальной реабилитации и подобные мероприятия с участием детей» [2]. Соответственно под данную категорию попадает широкий перечень учреждений и организаций, которые осуществляют систематические или разовые мероприятия с участием детей (образовательные учреждения, центры раннего развития, социально-реабилитационные центры, учреждения или индивидуальные предприниматели, организующие детские праздники и т. д.).

Принятие Закона «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию на территории Омской области» потребовало от образовательных учреждений, социальных, реабилитационных центров провести разъяснения по действию данного закона посредством организации бесед, классных часов, родительских собраний, разъяснения на официальных сайтах учреждений.

Закон устанавливает два основных положения, которые необходимо донести до специалистов, работающих с детьми и их родителями (законными представителями). Во-первых, это нормы касающиеся сокращения ночного времени. Согласно ст. 2 «На территории Омской области сокращается ночное время, в течение

которого не допускается нахождение детей без сопровождения родителей (лиц, их заменяющих), а также лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей), в установленных общественных местах, с 23 до 6 часов местного времени с 1 апреля по 31 октября и с 22 до 6 часов утра с 1 ноября до 31 марта» [2].

Во-вторых, в статье 3 Закона определяется примерный перечень мест, где нахождение детей не допускается. Автор считает необходимым конкретизировать данный перечень мест. Исходя из их видов деятельности, которые могут нанести потенциальный вред физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию несовершеннолетнего лица и на территории которых несовершеннолетнее лицо пребывать не может вообще, даже в сопровождении законного представителя к ним можно отнести в первую очередь: пивные рестораны, винные бары, пивные бары, рюмочные, и другие места, которые предназначены для реализации только алкогольной продукции, пива и напитков, изготавливаемых на его основе, табачных изделий [2].

В-третьих, устанавливается ограничение пребывания детей в ночное время без сопровождения родителей или законных представителей или лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей в ночное время в общественных местах, в том числе на улицах, стадионах, в парках, скверах, транспортных средствах общего пользования, на объектах (на территориях, в помещениях) юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, которые предназначены для обеспечения доступа к сети «Интернет», а также для реализации услуг в сфере торговли и общественного питания (организациях или пунктах), для развлечений, досуга, где предусмотрена розничная продажа алкогольной продукции, пива и напитков, изготавливаемых на его основе [2].

При этом закон Омской области содержит не исчерпывающий перечень мест, где не допускается нахождение детей или где их нахождение ограничено. Стоит отметить, что законы ряда других субъектов включили в качестве приложения перечень таких мест, и он является более конкретизированным. Закон Омской области предполагает возможность расширения списка таких мест (хотя закон не содержит уточненного списка или перечня, а только определил виды деятельности в отношении организаций и перечислил ряд общественных мест). Расширение списка согласно Закону возможно посредством организации деятельности экспертных комиссий [2].

Экспертная комиссия создается главой муниципального образования Омской области для оценки предложений об определении

на территории муниципального образования Омской области мест, нахождение в которых детей не допускается. Состав экспертной комиссии утверждается главой муниципального образования Омской области при ее создании и не может составлять менее семи человек. В состав экспертной комиссии входят представители органов, осуществляющих полномочия в сфере опеки и попечительства, органов местного самоуправления, представители комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Комиссия действует на общественных началах. Исходя из содержания Закона, деятельность ее должна регламентироваться Положением об экспертной комиссии. В данном случае экспертные комиссии представляют форму межведомственного взаимодействия, но решения ее носят рекомендательный характер, действует она на постоянной основе, созыв осуществляться должен на основе поступивших предложений от органов государственной власти, местного самоуправления или граждан. Заседание экспертной комиссии должно быть проведено не позднее десяти рабочих дней со дня поступления предложений об определении на территории муниципального образования Омской области мест, нахождение в которых детей не допускается. Заседание экспертной комиссии считается правомочным, если на нем присутствует более половины ее членов. По результатам рассмотрения предложений экспертная комиссия дает оценку предложений об определении на территории муниципального образования Омской области мест, нахождение в которых детей не допускается, в форме мотивированного заключения, которое утверждается простым большинством голосов присутствующих членов экспертной комиссии. Заключение экспертной комиссии направляется в представительный орган муниципального образования Омской области в течение трех дней со дня его утверждения [2]. Стоит отметить, что в данном случае Закон Омской области предоставил возможность учесть национальные, культурные и иные особенности муниципальных образований и установить самостоятельно более конкретный перечень соответствующих мест. На взгляд автора для реализации данного закона необходимо создание таких комиссий во всех муниципальных образованиях Омской области, не дожидаясь поступления инициатив граждан или органов власти. В частности Решением от 21 марта Совета Русско-полянского муниципального образования был утвержден перечень таких мест, он носит конкретный характер [6].

В качестве механизма реализации норм об ограничении пребывания несовершеннолетних в указанных местах и пребывания их в ночное время закон устанавливает порядок уведомления

родителей (лиц, их заменяющих) или лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей, и (или) органов внутренних дел в случае обнаружения детей в местах, нахождение в которых детей не допускается [2].

Здесь стоит отметить, что в соответствии со ст. 63 Семейного кодекса РФ родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. В целях обеспечения безопасности своих детей родители должны обеспечить соблюдение требований законодательства, ограничивающего пребывание детей в общественных и иных местах, всеми доступными им законными способами (проводить с детьми профилактические беседы, а также с лицами, которым доверяют присмотр за своими детьми, установить режим дня, применять иные меры воспитания) [5].

В случае, если несовершеннолетний находится в ночное время суток без сопровождения родителей или иных законных представителей в указанных законом местах, то образовательные учреждения, комиссии по делам несовершеннолетних или иные органы, осуществляющие профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних должны уведомить в течение 3-х часов с момента обнаружения ребенка его родителей. Граждане, иные лица могут содействовать органам полиции, органам, входящим в систему профилактики и также обратиться либо в полицию, либо уведомить родителей несовершеннолетнего. Автор хотел бы обратить внимание, что закон Омской области предполагает юридическую ответственность родителей за нахождение детей в ночное время без сопровождения родителей в указанных местах. С этой целью в кодекс об административных правонарушениях Омской области внесена статья 63.2 «Несоблюдение требований по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию» [1]. Нахождение детей на объектах (на территориях, в помещениях) юридических лиц или граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, которые предназначены для реализации товаров только сексуального характера, в пивных ресторанах, винных барах, пивных барах, рюмочных, в других местах, которые предназначены для реализации только алкогольной продукции, пива и напитков, изготавливаемых на его основе, табачных изделий, и в иных местах, нахождение в которых детей не допускается, определяемых органами местного самоуправления Омской области в установленном порядке, — влечет

предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до трех тысяч рублей; на должностных лиц — от пяти тысяч до двадцати тысяч рублей; на юридических лиц — от пятидесяти тысяч до пятисот тысяч рублей [1].

Нахождение детей в ночное время, определенное в соответствии с законодательством, без сопровождения родителей (лиц, их заменяющих) или лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей, в общественных местах, в том числе на улицах, стадионах, в парках, скверах, транспортных средствах общего пользования, на объектах (на территориях, в помещениях) юридических лиц или граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, которые предназначены для обеспечения доступа к сети «Интернет», а также для реализации услуг в сфере торговли и общественного питания (организациях или пунктах), для развлечений, досуга, где в установленном законом порядке предусмотрена розничная продажа алкогольной продукции, пива и напитков, изготавливаемых на его основе, и в иных местах, определяемых органами местного самоуправления Омской области в установленном порядке, нахождение в которых детей не допускается, за исключением случаев, установленных законодательством, — влечет предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до трех тысяч рублей; на должностных лиц — от пяти тысяч до двадцати тысяч рублей; на юридических лиц — от пятидесяти тысяч до пятисот тысяч рублей» [1].

Таким образом, юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие предпринимательскую деятельность, в том случае если она связана с продажей алкогольной продукции, табачных изделий и других оснований, предусмотренных законом, также являются субъектами юридической ответственности, если дети находятся на их территории. Здесь также стоит обратить внимание на опыт других субъектов РФ, где Закон предусматривает обязанность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в доступных, видных местах помещать предупредительные надписи о запрете нахождения на их территории несовершеннолетних лиц. При этом такие законы предусматривают освобождение от ответственности таких лиц, в случае если они уведомили несовершеннолетних о запрещении нахождения на их территории.

При этом следует подчеркнуть, что согласно ст. 64 Кодекса Омской области об административных правонарушениях, протоколы об административных правонарушениях, предусмотренные ст. 63.2,

вправе составлять должностные лица органов внутренних дел (полиции) [1]. В данном случае автор рассматривает ситуацию, когда выявляется несовершеннолетний, находящийся в ночное время без сопровождения родителей в указанном в законе месте специалистом комиссии по делам несовершеннолетних или социальным педагогом или иным лицом учреждения, осуществляющим профилактику правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних. Закон предусматривает возможность доставить несовершеннолетнего до места нахождения родителей в пределах населенного пункта, где он обнаружен, но при этом для привлечения родителей к ответственности должен быть составлен протокол органами полиции, соответственно они либо должны быть вызваны к месту выявления ребенка, либо уведомлены об этом. Доставка несовершеннолетнего должно сопровождаться письменным документом. В ряде субъектов РФ аналогичный закон предусматривает приложение, в котором в качестве рекомендации содержится форма акта передачи ребенка. Органы внутренних дел имеют свои внутренние нормативные акты, регламентирующие данный порядок оформления передачи ребенка родителям. В том случае же если передача ребенка родителям происходит представителем образовательного учреждения и иным лицом без сопровождения органов полиции, представляется необходимым разработать данные формы документов [2].

Согласно ст. 66 КоАП Омской области дела об административных правонарушениях, предусмотренные данной статьей КоАП, рассматриваются мировыми судьями, то есть административные протоколы органы полиции передают в мировой суд [1].

В случае, если доставить ребенка до места нахождения родителей невозможно, должны быть уведомлены органы полиции. Статья 6 Закона также регламентирует порядок доставления детей. В случае отсутствия родителей (лиц, их заменяющих) или лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей, невозможности установления их местонахождения или иных препятствующих незамедлительному доставлению ребенка указанным лицам обстоятельств ребенок помещается уполномоченными должностными лицами органов и учреждений, в специализированное учреждение для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, по месту обнаружения ребенка [1]. При этом вопрос помещения несовершеннолетнего, не совершившего правонарушения, а находящегося в ночное время без сопровождения родителей в указанных в законе местах требует более полной регламентации. Автор обращает

внимание, что Федеральный закон № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в главе 3. «Рассмотрение материалов о помещении несовершеннолетних в ЦВИНП органов внутренних дел» — предусматривает порядок помещения в специализированные учреждения именно правонарушителей, в данном случае Закон Омской области предусматривает привлечение к юридической ответственности не несовершеннолетнее лицо, а родителей и или законных представителей [8].

Реализация закона «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию на территории Омской области» возможна только в случае межведомственного сотрудничества, сотрудничества органов полиции, комиссий по делам несовершеннолетних, общественных институтов с целью проведения системы профилактических мер, разъяснения родителям, несовершеннолетним норм закона.

По данным отчетов полиции с момента реализации закона в органы внутренних дел доставлено более 3 000 подростков, находящихся на улице в ночное время без сопровождения взрослых [3]. По статье 63.2 Кодекса Омской области об административных правонарушениях «Несоблюдение требований по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию» в отношении 184 родителей составлены административные протоколы, которые направлены в территориальные мировые суды для принятия решений [1].

По мнению автора в настоящее время необходимо акцентировать внимание на применении профилактических мер и предупреждений в случае однократного нарушения норм закона с одновременным проведением бесед с родителями и иными законными представителями. Необходимо учитывать особенности конкретных муниципальных образований, в некоторых случаях использовать индивидуальный подход. В частности гражданское законодательство предусматривает возможность занятия предпринимательской деятельностью несовершеннолетними уже с 16 лет, но при этом в 23 часа данный несовершеннолетний превращается в ребенка, который должен находиться в сопровождении родителей. Ряд театральных представлений заканчивается в 22 часа, концертные представления, которые также могут заканчиваться довольно поздно, на которых могут

находиться 16—17 летние подростки, вполне самостоятельно добирающиеся до места проживания.

Оценивая эффективность закона, автор обращает внимание, что анализ закона показывает не достаточно четкую регламентацию отдельных положений, а также не реализацию отдельных норм. В данной статье автор подробно рассматривал эти положения. Статистика ряда субъектов РФ показывает снижение уровня преступности среди несовершеннолетних в ночное время, с другой стороны, некоторые юристы-практики отмечают невозможность эффективной реализации закона и попытке переложить ответственность с родителей на государство. Возникает вопрос в первую очередь об организации контроля за реализацией норм закона. Разовые рейды, отдельные профилактические мероприятия не способствуют решению проблем, стоящих в центре внимания закона.

Следует обратить внимание Законодательного Собрания Омской области и на возрастные ограничения. В частности это касается сельских поселений, где особенно сложно реализовать нормы закона и руководствоваться необходимо только исходя из индивидуального подхода к конкретным несовершеннолетним, учитывая материальное положение семьи, социальное положение семьи.

Список литературы:

1. Закон Омской области от 24 июля 2006 года № 770-ОЗ Кодекс Омской области об административных правонарушениях (с изменениями на 17 июля 2013 г.) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и научно-технической документации/ Режим доступа. — URL: <http://docs.cntd.ru>.
2. Закон Омской области от 25 декабря 2012 года № 1501-ОЗ «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию на территории Омской области». //Региональное законодательство. / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.regionz.ru>.
3. Отчеты участковых уполномоченных полиции // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://55.mvd.ru/gumvmd/>.
4. Портнягина Е.В.. Необходимость развития ювенальной науки в России: политико-правовые аспекты. // Инновационное развитие юридической науки как фактор укрепления российской государственности: материалы конференции, г. Новосибирск, 25—26 октября 2012 г./науч. ред. Н.В. Омелехина, И.В. Князева. Новосибирск: Изд-во СибАК, 2013. — С. 61—68.

5. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система Консультант Плюс./ Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru>.
6. Совет Русско-полянского муниципального района Омской области Решение от 21 марта 2013 г. № 241 «Об утверждении перечня мест на территории Русско-полянского муниципального района Омской области, нахождение в которых детей не допускается» [Электронный ресурс] //Региональное законодательство. / Режим доступа. — URL: <http://www.regionz.ru>.
7. Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 29.06.2013 № 135-ФЗ)//Российская газета. 5 августа. 1998 г.
8. Федеральный Закон от 24 июня 1999 г. № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант» / Режим доступа. — URL: <http://www.garant.ru>.

СЕКЦИЯ 2.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕУГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ПРЕСЕЧЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПРОТИВ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Манукян Алинэ Романовна

*канд. пед. наук, старший преподаватель ОПД
Северо-Кавказского института повышения квалификации
сотрудников МВД России
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
г. Нальчик
E-mail: mashekuasheva@mail.ru*

CRIME PREVENTION AND SUPPRESSION OF TERRORIST AND EXTREMIST AGAINST POLICE IN MODERN CONDITIONS

Manoukian Aline Romanivna

*ph.D., Senior Lecturer HPD
North-Caucasus Institute training Ministry of Interior of Russia
(Branch) Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia,
Nalchik*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена вопросам усиления борьбы с посягательствами жизнь сотрудников, выработке как законодательных, так организационных мер, связанных с использованием оперативных

и материально-технических ресурсов, с внедрением современных методов избличения преступных элементов, подготовкой и расстановкой специализированных кадров, а также профилактической и воспитательной работой с экстремистки настроенной молодежью.

ABSTRACT

This article is devoted to strengthening the fight against encroachments on the category of crime, the development of both legislative and economic-organizational measures related to the use of operational and logistical resources, with the introduction of modern methods of exposing criminals, training and placement of specialized personnel, as well as preventive and educational work with extremist youth.

Ключевые слова: правоохранительные органы, экстремизм, сотрудники полиции, специально-криминологическая профилактика, борьба с преступностью.

Keywords: law enforcement, extremism, police officers, specially-criminological prevention, the fight against crime.

Важным направлением по нормализации криминогенной обстановки в регионе является экономическое, социальное, духовное и национальное развитие. Несмотря на приоритет общесоциальных мер, связанных непосредственно с предупреждением и пресечением преступлений в отношении сотрудников правоохранительных органов, также необходимо использование специальных криминологических мер, среди которых немаловажную роль играют специально-криминологическая профилактика, осуществляемая на основе программ по борьбе с преступностью и экстремизмом.

Среди мер специального криминологического характера необходимо назвать рост материально-технического обеспечения и финансирования органов внутренних дел, повышение финансового обеспечения сотрудников правоохранительных органов, предоставление им всех социальных льгот и гарантий, воспитание с раннего возраста у граждан уважительного отношения к правоохранительным органами, и к органам внутренних дел в частности. Сотрудники полиции должны быть обеспечены всеми необходимыми современными средствами материально-технического оснащения, а также специальными транспортными средствами. Качественное оснащение сотрудников правоохранительных органов позволит свести к минимуму опасность преступных посягательств на их жизни и здоровье [1].

Немаловажное место среди мер профилактики и пресечения применения насилия в отношении сотрудников правоохранительных органов принадлежит мерам политического характера. В современной России, а в регионах особо, внимание следует уделять вопросам национальной безопасности в борьбе с активизацией терроризма, незаконных вооруженных формирований и экстремистки настроенной молодежи.

Усилению борьбы с посягательствами жизнь сотрудников ОВД способствуют как законодательные, так организационные меры, связанные с использованием оперативных и материально-технических ресурсов, с внедрением современных методов избощения преступных элементов, подготовкой и расстановкой специализированных кадров, а также профилактической и воспитательной работой с экстремистки настроенной молодежью [2].

Существенное значение приобретает такая система мероприятий, как индивидуальное предупреждение преступлений. Индивидуальное предупреждение — это «комплексная система государственно-правовых и общественных мероприятий по принуждению, убеждению и помощи в отношении лиц с антиобщественными установками, направленных на выявление, устранение, нейтрализацию или ослабление объективных или субъективных факторов, могущих привести к совершению преступления [2]. Объекты индивидуального предупреждения — это лица, которые по причине своей агрессивнo-насильственной направленности могут совершать насильственные преступления в отношении сотрудников ОВД.

Общественная опасность данных преступлений заключается не только в том, что любое из них подрывает авторитет и значение государственной власти, но и в том, что лица, совершающие данный вид преступлений бросают вызов самому государству, и всей его правоохранительной системе. Они препятствуют и тормозят нормальное функционирование органов управления, приводят к дезорганизации отношений в сфере управления, создают у населения атмосферу неуверенности, страха и озабоченности в своем будущем. При этом необходимо показать, что одним из наиболее распространенных преступлений против порядка управления является посягательство на жизнь и здоровье сотрудников правоохранительных органов, уголовная ответственность за которое предусмотрена ст. 317 УК РФ [3].

Достаточно высокая степень общественной опасности данного вида преступлений заключается в том, что нормальная деятельность государственных органов нарушается путем посягательства

непосредственно на личность — представителей власти, а также их родных и близких.

Вывод: факты посягательств непосредственно на жизнь и здоровье сотрудников правоохранительных органов, а равно их родных и близких, оказывают отрицательное воздействие на психику и эмоциональное состояние людей — потенциальных потерпевших. Постепенно формируют у них состояние психологической незащищённости, чувство опасности, оказывающие негативное воздействие на их психику. Яркой иллюстрацией этому являются факты повального увольнения из органов внутренних дел сотрудников подразделений патрульно-постовой службы и службы участковых уполномоченных полиции. Закономерным следствием рассматриваемого в статье вида преступлений выступает снижение служебной активности и рвения представителей правоохранительных органов, что, соответственно, негативно отражается на их деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Посягательства на жизнь сотрудников правоохранительных органов, а равно их близких, способствуют развитию у них нравственного и правового нигилизма, а также могут породить разочарование членов общества и переоценку их жизненных ценностей.

Серьезная общественная опасность посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов в теории уголовного права признана довольно давно. В специальной литературе часто обращается внимание на плохую защищенность сотрудников правоохранительных органов, а также военнослужащих, и значительные потери среди них.

Деятельность правоохранительных органов, учитывая ее социальную значимость, а также безопасность сотрудников, осуществляющих ее, должна быть надежно защищена от преступных посягательств. Признавая социальную значимость управленческой деятельности своих представителей, власти стремятся к тому, чтобы предусмотреть наиболее эффективные, чем уже имеются, меры и средства, призванные обеспечивать неприкосновенность органов власти, их представителей, а также сотрудников правоохранительных структур [4].

За последние 12—15 лет в России сформировались новые, до сих пор не наблюдаемые виды насильственной преступности — террористический и экстремистский. Это не только собственно терроризм, экстремизм и террористические акты, но и значительно более обширная группа весьма опасных насильственных преступлений, отличительной чертой которых является устрашение

и угрозы. Это — незаконное лишение свободы, захват заложников, воздействие на сотрудников правоохранительных органов, свидетелей и потерпевших, убийство, угроза убийством, нанесение тяжкого вреда здоровью, уничтожением имущества, поджоги, взрывы и т. д. По официальным данным в Кабардино-Балкарской республике по итогам работы министерства внутренних дел по КБР в 2012, в результате вооруженных нападений в республике погибли: 18 сотрудников силовых ведомств 23 силовика получили ранения различной степени тяжести.

Условием эффективности предупреждения преступлений, связанных с применением насилия и посягательства на жизнь и здоровье сотрудников правоохранительных органов, является комплексный подход к решению этой проблемы, заключающийся в единстве его криминологического, уголовно-правового и общесоциального видов.

Подводя итоги можно отметить следующее:

- важными причинами этих преступлений являются факторы, определяющие направленность противоправной агрессии именно на сотрудников правоохранительных органов и представителей власти, а также обстоятельства, повышающие их уязвимость со стороны криминальных элементов: общий рост преступности, коррупция, слабая материально-техническая оснащенность и т. п.;

- в предупреждении исследуемых преступлений особая роль принадлежит уголовно-правовым средствам, а также мерам, направленным на уменьшение, устранение и нейтрализацию причин и обстоятельств, способствующих виктимизации, снижение личностной и ролевой виктимности, недопустимости их совмещения у представителей власти и сотрудников правоохранительных органов.

Условием эффективности предупреждения преступлений, связанных с применением насилия и посягательства на жизнь и здоровье сотрудников правоохранительных органов, является комплексный подход к решению этой проблемы, заключающейся в единстве его криминологического, уголовно-правового и общесоциального видов.

Разработка стратегии и тактики профилактики в области противодействия терроризму и экстремизму, что может быть выражено в форме федеральной целевой программы с соответствующим нормативно-правовым обеспечением и следующими основными целями:

1. создание общегосударственной системы прогнозирования и моделирования кризисных ситуаций (в том числе путей

их преодоления), которые потенциально способны породить террористическую угрозу;

2. выявление и устранение причин и условий, способствующих возникновению таких кризисных ситуаций;

3. формирование федерального и региональных механизмов своевременного реагирования и урегулирования кризисно-конфликтных ситуаций на ранних стадиях.

Построение системы обеспечения безопасности наиболее вероятных объектов возможных террористических посягательств на федеральном, региональном и муниципальном уровнях с целью защиты жизни и здоровья граждан, лишения террористов доступа к средствам и объектам совершения террористических актов.

Список литературы:

1. Аббасов Ф.Н., Агаев Г.А. Об ответственности за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа. // Российская юстиция. — № 9, — 2003 г. — С. 35—39.
2. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебной толкования. М., 2011. — 304 с.
3. Мизюкин А.П., Павлухин А.Н., Семенов М.В., Эриашвили Н.Д. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа: монография // Фонд содействия правоохранительным органам «Закон и право». М.:ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2007 г. 302 с.
4. Таможник Е.Л. Объект посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа // Юридический мир. — 2010. — № 2. — С. 31—38.

СЕКЦИЯ 3.

ГРАЖДАНСКОЕ, ЖИЛИЩНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Расаева Хеди Адмановна

*соискатель Российского государственного гуманитарного университета,
г. Москва*

E-mail: paperclip@yandex.ru

LEGAL ASPECTS OF LICENSING OF ACTIVITY OF THE MEDICAL ORGANIZATIONS

Rasaeva Hedy Admanovna

*competitor of the Russian state University for the Humanities,
Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены отдельные аспекты лицензирования медицинской деятельности в России. Автором проведен анализ реализации лицензионных требований по новым нормативным правовым требованиям, связанным с изменением правовой основы лицензирования деятельности медицинских организаций.

ABSTRACT

In article separate aspects of licensing of medical activity in Russia are considered. The author carried out the analysis of implementation of license requirements for the new standard legal requirements connected with change of a legal basis of licensing of activity of the medical organizations.

Ключевые слова: медицинская деятельность, медицинская организация, лицензия, требования, руководитель, лицензирующий орган, здравоохранение.

Keywords: medical activity, the medical organization, the license, requirements, the head licensing body, health care.

В настоящее время осуществлять медицинскую деятельность могут различные субъекты, как медицинские организации, так и индивидуальные предприниматели, однако и те, и другие должны иметь лицензию на медицинскую деятельность и могут оказывать только услуги, указанные в ней [2, с. 2].

В соответствии с п. 11 ст. 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [6] медицинской организацией признается юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы, осуществляющее в качестве основного (уставного) вида деятельности медицинскую деятельность на основании лицензии, выданной в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. При этом к медицинским организациям приравниваются индивидуальные предприниматели, осуществляющие медицинскую деятельность.

Как отмечено в данном определении, одним из условий деятельности медицинской организации является ее лицензирование, что также подтверждается включением в перечень видов деятельности, на которые требуются лицензии, медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») (п. 46 ст. 12 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» [7]).

В настоящее время действует Положение о лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»), утвержденное Постановлением Правительства РФ от 16.04.2012 № 291 [3].

При этом лицензированию подлежат все виды медицинской деятельности, указанные в Приложении к данному Положению о лицензировании медицинской деятельности.

Следует отметить, что до настоящего времени в лицензионном законодательстве отсутствовало определение лицензионных требований и разграничение их со смежными категориями (лицензионных

условий, условий действия лицензии и т. п.) [5, с. 38]. В ст. 3 федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» лицензионными требованиями называется совокупность требований, которые установлены положениями о лицензировании конкретных видов деятельности, — основаны на соответствующих требованиях законодательства Российской Федерации и направлены на обеспечение достижения целей лицензирования. Лицензионным требованиям посвящена ст. 8 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности», согласно которой они включают в себя требования к созданию юридических лиц и деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей в соответствующих сферах деятельности, установленные федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и направленные на обеспечение достижения целей лицензирования [7].

В п. 4 Положения о лицензировании медицинской деятельности установлены такие лицензионные требования, предъявляемые к соискателю лицензии на осуществление медицинской деятельности:

а. наличие зданий, строений, сооружений и (или) помещений, принадлежащих соискателю лицензии на праве собственности или на ином законном основании, необходимых для выполнения заявленных работ (услуг) и отвечающих установленным требованиям;

б. наличие принадлежащих соискателю лицензии на праве собственности или на ином законном основании медицинских изделий (оборудования, аппаратов, приборов, инструментов), необходимых для выполнения заявленных работ (услуг) и зарегистрированных в установленном порядке;

в. наличие:

- у руководителя медицинской организации, заместителей руководителя медицинской организации, ответственных за осуществление медицинской деятельности, руководителя структурного подразделения иной организации, ответственного за осуществление медицинской деятельности, — высшего медицинского образования, послевузовского и (или) дополнительного профессионального образования, предусмотренного квалификационными требованиями к специалистам с высшим и послевузовским медицинским образованием в сфере здравоохранения, сертификата специалиста, а также дополнительного профессионального образования и сертификата специалиста по специальности «организация здравоохранения и общественное здоровье»;

- у руководителя структурного подразделения медицинской организации, осуществляющего медицинскую деятельность, — высшего профессионального образования, послевузовского (для специалистов с медицинским образованием) и (или) дополнительного профессионального образования, предусмотренного квалификационными требованиями к специалистам с высшим и послевузовским медицинским образованием в сфере здравоохранения, и сертификата специалиста (для специалистов с медицинским образованием);

г. наличие у лиц, указанных в подпункте «в» настоящего пункта, стажа работы по специальности:

не менее 5 лет — при наличии высшего медицинского образования;

не менее 3 лет — при наличии среднего медицинского образования;

д. наличие заключивших с соискателем лицензии трудовые договоры работников, имеющих среднее, высшее, послевузовское и (или) дополнительное медицинское или иное необходимое для выполнения заявленных работ (услуг) профессиональное образование и сертификат специалиста (для специалистов с медицинским образованием);

е. наличие заключивших с соискателем лицензии трудовые договоры работников, осуществляющих техническое обслуживание медицинских изделий (оборудования, аппаратов, приборов, инструментов) и имеющих необходимое профессиональное образование и (или) квалификацию, либо наличие договора с организацией, имеющей лицензию на осуществление соответствующей деятельности;

ж. соответствие структуры и штатного расписания соискателя лицензии — юридического лица, входящего в государственную или муниципальную систему здравоохранения, общим требованиям, установленным для соответствующих медицинских организаций;

з. соответствие соискателя лицензии — юридического лица:

- намеренного выполнять заявленные работы (услуги) по обращению донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях, — требованиям, установленным статьями 15 и 16 Федерального закона «О донорстве крови и ее компонентов»;

- намеренного выполнять заявленные работы (услуги) по трансплантации (пересадке) органов и (или) тканей, — требованиям, установленным статьей 4 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»;

- намеренного осуществлять медико-социальную экспертизу, — установленным статьей 60 Федерального закона «Об основах охраны

здоровья граждан в Российской Федерации» и статьей 8 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» требованиям, касающимся организационно-правовой формы юридического лица;

и. наличие внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности [4].

Лицензионными требованиями, предъявляемыми к лицензиату при осуществлении им медицинской деятельности, являются требования, предъявляемые к соискателю лицензии, а также:

а. соблюдение порядков оказания медицинской помощи;

б. соблюдение установленного порядка осуществления внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности;

в. соблюдение установленного порядка предоставления платных медицинских услуг;

г. в(1) соблюдение правил регистрации операций, связанных с обращением лекарственных средств для медицинского применения, включенных в перечень лекарственных средств для медицинского применения, подлежащих предметно-количественному учету, в специальных журналах учета операций, связанных с обращением лекарственных средств для медицинского применения, и правил ведения и хранения специальных журналов учета операций, связанных с обращением лекарственных средств для медицинского применения;

д. повышение квалификации специалистов, выполняющих заявленные работы (услуги), не реже 1 раза в 5 лет.

Непосредственно выдача лицензий на медицинскую деятельность медицинским организациям, подведомственных федеральным органам исполнительной власти, государственным академиям наук, а также организациям федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная и приравненная к ней служба, медицинским и иным организациям, осуществляющим деятельность по оказанию высокотехнологичной медицинской помощи, осуществляется территориальными органами Росздравнадзора (п. 7.3 Положения о территориальном органе Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения, утв. Приказом Минздрава России от 13.12.2012 № 1040н [4]).

В отношении других медицинских организаций лицензирование осуществляют органы исполнительной власти субъектов РФ, в частности, Департамент здравоохранения г. Москвы, Министерство здравоохранения Московской области и т. д.

Для получения лицензии на осуществление медицинской деятельности медицинская организация должна подать в соответствующий регистрирующий орган заявление с приложением необходимых документов, подтверждающих выполнение всех лицензионных требований.

Заявление о предоставлении лицензии и прилагаемые к нему документы представляются в лицензирующий орган непосредственно или направляются заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении, однако с 1 июля 2012 г. возможен еще один, фактически новый способ подачи заявления о предоставлении лицензии и прилагаемых документов в лицензирующий орган — направление указанных заявления и документов в форме электронного документа, подписанного электронной подписью, по электронной почте.

Указанное положение является следствием развития информационных и компьютерных технологий и свидетельствует о еще одном способе реализации доступности процесса лицензирования для широкого круга лиц, поскольку упрощает процедуру подачи заявлений о предоставлении лицензии, стирает пространственные рамки, сглаживает проблему оформления и получения лицензий для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, расположенных на значительном расстоянии от места нахождения лицензирующего органа [1].

В соответствии с ч. 1 ст. 14 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» [7] после получения заявления о предоставлении лицензии и прилагаемых к нему документов лицензирующий орган осуществляет проверку полноты и достоверности содержащихся в них сведений, в том числе проверку соответствия соискателя лицензии лицензионным требованиям, и в случае положительного результата проведения такой проверки принимает решение о выдаче лицензии.

Решение о предоставлении лицензии оформляется приказом (распоряжением) лицензирующего органа, одновременно оформляется сама лицензия, которая заносится в специальный реестр лицензий и действует бессрочно.

При этом согласно п. 11 Положения о лицензировании медицинской деятельности вся информация, относящаяся к осуществлению медицинской деятельности, предусмотренная Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности», размещается на официальном сайте лицензирующего органа в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и (или)

на информационных стендах в помещениях лицензирующего органа в течение 10 дней [4].

Список литературы:

1. Ласкина Н.В., Степаненко О.В. Комментарий к Федеральному закону от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (постатейный) / отв. ред. Н.В. Ласкина // Подготовлен для СПС КонсультантПлюс. 2011 / Дата обращения 29.06.2013.
2. Мельников О. Платные услуги в медицине: новые правила // ЭЖ-Юрист. — 2012. — № 41. — С. 2.
3. Постановление Правительства РФ от 16.04.2012 № 291 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)» // СЗ РФ, 23.04.2012, — № 17, — ст. 1965.
4. Приказ Минздрава России от 13.12.2012 № 1040н «Об утверждении Положения о территориальном органе Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения» // Российская газета, № 42, 27.02.2013
5. Субанова Н.В. Лицензирование предпринимательской деятельности: правовое регулирование, ответственность, контроль: монография. М.: Статут, 2011. 351 с.
6. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ, 28.11.2011, № 48, ст. 6724.
7. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // СЗ РФ, 09.05.2011, № 19, ст. 2716.

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ВЕЩНЫХ ПРАВ

Муратова Светлана Александровна

*канд. юрид. наук, доцент, профессор
кафедры гражданского права и процесса МосУ МВД России,
г. Москва*

Смердина Юлия Сергеевна

*адъюнкт кафедры гражданского права и процесса МосУ МВД России,
г. Москва
E-mail: foxyom@mail.ru*

TO THE QUESTION OF PROPRIETARY RIGHTS ATTRIBUTES

Myratova Svetlana Aleksandrovna

*candidate of Law, associate professor, professor of Chair of Civil Law and
Civil Procedure Moscow University of the Interior,
Moscow*

Smerdina Juliya Sergeevna

*postgraduate student of Chair of Civil Law and Civil Procedure
of Moscow University of the Interior,
Moscow*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу признаков вещных прав. В работе рассматриваются как существующие в литературе подходы к признакам вещных прав, так и подходы с учетом изменений, которые предусмотрены Концепцией развития гражданского законодательства, а также проектом изменений ГК РФ.

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the attributes of the proprietary rights. Approaches to the attributes of proprietary rights existing both in modern scientific literature and stipulated by changes of the Concept of civil legislation development as well as by the project of changes of Civil Code of the Russian Federation are touched upon in the article.

Ключевые слова: гражданское право; вещное право; признаки вещных прав; Концепция развития гражданского законодательства.

Keywords: civil law, property law, proprietary rights, the Concept of the development of civil legislation.

Вопрос об определении понятия вещного права и его признаков остается дискуссионным до настоящего времени. Особенно остро данная проблема встает в связи с реформированием гражданского законодательства. В концепции развития гражданского законодательства, одобренной 7 октября 2009 года Советом по кодификации гражданского законодательства Российской Федерации при Президенте Российской Федерации, а в последствии и в Проекте изменений ГК РФ (Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», далее проект ФЗ № 47538-6) законодатель пошел по пути четкого обозначения как понятия, так и признаков вещных прав [4].

Необходимо отметить, что в литературе по вопросу о признаках вещных прав, нет единого мнения со стороны ученых-цивилистов. Тем не менее, выделение именно признаков вещных прав является юридически важным в связи с необходимостью отграничения вещных прав от иных имущественных прав. Так, зачастую происходит с обязательственными правами, например с правом аренды, иногда относимым к категории ограниченных вещных прав.

Проблема определения признаков вещных прав имеет длительную историю развития. Классики цивилистики к признакам вещных прав относили следующие: непосредственное господство над вещью, абсолютный характер вещных прав (Г. Деренбург, Г. Пухта, В. Виншайд) [3].

Нет единой точки зрения и среди современных отечественных цивилистов. Е.А. Суханов указывает о том, что вещным правам присущи следующие признаки.

Во-первых, вещные права устанавливают господство лица над вещью, а не над поведением обязанного лица. Отсюда возможность разделения вещных и обязательственных прав. В обязательственном праве удовлетворение потребностей управомоченного лица происходит за счет обязанного лица, а вещных — самостоятельно, т. е. без участия третьих лиц.

Во-вторых, вещные права характеризуются абсолютным характером, что означает существование обязанности не нарушать

права со стороны всех третьих лиц. Абсолютность вещных прав обусловлена как раз тем, что они закрепляют отношение лица к вещи, а не к другим лицам, исключая возможность препятствовать управомоченному лицу в использовании вещи либо воздействовать на вещь без его разрешения [8]. Признак абсолютности вещных прав является спорным. Относительность и абсолютность прав определяется исходя из отношений субъектов права. Так, в абсолютных правоотношениях управомоченному лицу противостоит неопределенный круг обязанных лиц, когда в относительных правоотношениях обе стороны четко определены. Однако, как подчеркивает Райхер В.К., различие между абсолютными и относительными правами идет не по той линии, что абсолютное право «обязательно», «действует» против «всех», а относительное только против «одного». По его мнению, всякое право (именно потому, что оно — право, т. е. особое явление социального порядка) «обязательно» для «всех» и «действует» против «всех». Всякое правоотношение связывает управомоченного не с «одним» только лицом, а со всем обществом. То есть, в одном случае — связь является прямою, непосредственною со всем обществом; в другом случае — она является прямою и непосредственною лишь с «одним» лицом и посредственною (косвенною, отраженною) со всеми прочими лицами [5]. Критики существования абсолютных правоотношений подчеркивают, что у собственника с третьими лицами не устанавливается никакой конкретной правовой связи, последние просто обязаны в силу действия норм объективного права не нарушать его законное право — право собственности. Некоторые исследователи находят абсолютность прав как обязанность неопределенного круга третьих лиц воздерживаться от нарушения вещного права излишней [7]. Так, субъективные права, причисляемые к вещным, основываются на сделке-договоре собственника и субъекта соответствующего права, в связи с чем, абсолютность ставится под сомнение [10]. Таким образом, существуют только обязательства, которые пользуются абсолютной защитой.

Абсолютность вещных прав влечет за собой особые вещно-правовые способы защиты прав (виндикационный и негаторный иски), которые могут быть предъявлены любому третьему лицу, т. е. носят абсолютный характер. Однако ввиду положений ст. 305 ГК РФ вещно-правовым способом защиты могут воспользоваться не только обладатели вещных прав, но и субъекты обязательственного права (если обладает правомочием владения), что создает определенные

проблемы и приводит к смешению традиционных способов гражданско-правовой защиты.

В-третьих, объектом вещного права может выступать только индивидуально-определенная вещь. Тем самым фактически реализуется давно известный развитым европейским правовым порядком принцип специализации (*Spezialitaetsprinzip, Bestimmtheitsgrundsatz*), согласно которому вещное право в отличие от обязательственного можно установить или передать только на отдельные определенные вещи, но не на их совокупности.

В-четвертых, вещные права должны быть определены в законе, причем исчерпывающим образом, должно быть определено содержание каждого права. Проводя аналогию с зарубежным законодательством, интересно в этом плане Германское гражданское уложение (ГГУ), устанавливающие как закрытый перечень вещных прав, так и прямо фиксирующие в законе содержание каждого из них [1]. Существует также и принцип публичности вещных прав, а именно обязательная фиксация в специальном реестре.

В-пятых, юридическая прочность вещных прав, которая заключает в себе власть над вещью, она обременяет саму вещь, поэтому и не зависит от смены собственника.

Ю.К. Толстой, А.Л. Сергеев выделяют следующие признаки вещных прав: они носят бессрочный характер; объектом является вещь; требования, вытекающие из вещных прав, имеют преимущественное право на удовлетворение по отношению к обязательственным правам; им присуще право следования; абсолютная защита названных прав. Сухарева Е.Р. при характеристике признаков вещных прав особо выделяет меру личной распорядительной свободы и стабильность правомочия пользования. Она отмечает, что их наличие позволяет снять ряд дискуссионных моментов, относящихся к построению системы вещных прав и анализу правовой природы некоторых из них [9].

В литературе существует точка зрения, согласно которой право следования и абсолютность вещных прав являются не признаком прав, а последствием квалификации права как такового [6].

Критике со стороны исследователей подвергается признак вещного права, предусматривающий, что содержание вещных прав определяется договором. В качестве примера указывается п. 3 ст. 274 ГК РФ, в соответствии с которым права и обязанности сторон определяются в соответствии с договором об установлении сервитута. Отрицается также и признак бессрочности, например, тот же сервитут в соответствии с п. 4 ст. 23 Земельного кодекса Российской Федерации

является бессрчным [9]. Право застройки в соответствии с проектом изменений ГК РФ (глава 20.1 проекта ФЗ № 47538-6) также предполагается срочным [2].

Необходимо отметить, что признаки вещных прав по отдельности не отражают всей специфики вещного права как юридической категории. В ГК РФ 1994 года перечислены такие признаки вещного права, как абсолютная защита и право следования. Однако как уже отмечалось, законодатель позволяет применять абсолютную защиту и при нарушении обязательственных прав.

Существует и точка зрения, согласно которой вещными правами можно назвать только те права, которые Гражданский кодекс назвал таковыми, т. е. единственный признак “numerous clause” [5].

ГК РФ 1994 г. не содержит закрытого перечня вещных прав, что в свою очередь порождает дискуссию о том, какие права являются вещными. Отсюда и проблема чрезвычайного расширения перечня вещных прав, либо критика таких признаков вещных прав, как абсолютность и право следования.

Разработчики концепции развития гражданского законодательства называют следующие признаки вещных прав: непосредственное господство над вещью; осуществление права путем владения, пользования, распоряжения в пределах установленных ГК РФ; возникают по основаниям, предусмотренным ГК РФ и изданными в соответствии с ним законами; перечень прав определен ГК РФ; порядок осуществления определяется в соответствии с ГК РФ; принцип следования за вещью; вещно-правовая защита; принцип публичности; преимущество вещных прав перед иными правами.

В настоящее время существует ряд вопросов, связанных с признаками вещных прав, обозначенных в проекте изменений раздела о вещных правах [3]. Такой признак вещных прав как бессрчный характер присущ не всем вещным правам, в частности право застройки предусматривает срочный характер. Тем самым опять возникает проблема разграничения вещных и обязательственных прав по данному признаку. Перечень признаков вещных прав, перечисленных в проекте Федерального закона № 47538-6, не содержит такого признака, как независимость осуществления вещных прав. Как известно, удовлетворение вещных прав, в отличие от обязательственных, не предполагает третье лицо, то есть существует возможность ими пользоваться без встречного предоставления. Особо необходимо отметить, что согласно проекту изменений вещные права могут возникать на условиях, которые предусмотрены в договоре [3]. Отсюда следует, что возникновение прав поставлено в зависимость от условия,

которые оговорены в договоре, что является нетипичным для классического подхода к вещным правам. К признакам отдельных вещных прав может быть отнесена и платность ввиду наличия возможность пользования сервитутом на платных началах.

Таким образом, как в дореволюционный период, так и в настоящее время отсутствует единый подход к выделению признаков вещных прав. Изменения, предложенные в раздел 2 ГК РФ, вызвали широкую дискуссию в юридических кругах, что обусловило необходимость доработки проекта Федерального закона № 47538-6. В любом случае наличие четкого законодательного определения и соответственно указание признаков вещных прав позволит внести некоторую ясность в изменение института вещных прав.

Список литературы:

1. Германское право: Гражданское уложение. Перевод с немецкого. Часть 1. // Науч. ред.: Залесский В.В.; Пер.: Елисеев Н.Г., Лизунов А.А., Шеленкова Н.Б.; Введ.: Бергман В., Суханов Е.А. М.: МЦФЭР, 1996.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. Федерального закона от 23.07.2013 г. № 245-ФЗ) // РГ.— № 238—239. — 08.12.1994 г.
3. Емелькина И.А. Система ограниченных вещных прав на земельные участки. Автореф. диссер. канд. наук. Москва, 2010.
4. Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi?req=doc;base=PRJ;n=94778>. (Дата обращения 20.05.2013).
5. Райхер В.К. Абсолютные и относительные права // Вестник гражданского права. — 2007. — № 2. — Т. 7.
6. Рыбалов А.О. Ограниченные вещные прав: проблемы определения // Закон. — 2007. — № 2. — С. 115—124.
7. Скловский К.И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы. М., 2004.
8. Суханов Е.А. К понятию вещного права. Гражданское право. — 2004. — № 1. — С. 7—12.
9. Сухарева Е.Р. Основы правового регулирования вещных прав // Вестник Воронежского института МВД России. — 2010. — № 1. — С. 56—59.
10. Хатунцев О.А. Теоретические проблемы категории субъективного вещного права. М, 2007.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ПРИЧИНЫ РОСТА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРЕСА РУССКИХ ПРАВОВЕДОВ К ПРОБЛЕМАМ ОБЫЧНОГО ПРАВА В XIX ВЕКЕ

Нехаева Анна Викторовна

*аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова,
Архангельск*

E-mail: nehaeva_av@mail.ru

REASONS OF THE RESEARCH INTEREST INCREASE OF RUSSIAN LEGAL SCHOLARS TO THE QUESTIONS OF COMMON LAW IN XIX CENTURY

Anna Nehaeva

*postgraduate, Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk*

АННОТАЦИЯ

В данной статье выявлены и рассмотрены основные причины, в связи с которыми в России в XIX веке происходит значительное увеличение числа научных трудов, посвященных вопросам обычного права.

ABSTRACT

This article examines and elicits the major reasons according to which in XIX century in Russia the number of scholarly works devoted to the questions of common law increased considerably.

Ключевые слова: обычное право; исследования; XIX век.
Keywords: common law; researches; XIX century.

Девятнадцатый век — новый этап в изучении обычного права в России, с началом которого обычное право, ранее рассматриваемое исключительно как историко-правовое явление, характерное в основном для первоначальных исторических эпох, начало исследоваться как современное явление, имеющее немаловажное практическое значение. Такое изменение подхода ученых-правоведов к обычному праву отнюдь не случайно, и обусловлено целым рядом причин.

Во-первых, значительное влияние на рост интереса к проблемам обычного права оказала деятельность Русского Географического Общества, основанного в 1845 году рескриптом Императора Николая I. Деятельность Русского Географического Общества была достаточно разносторонней, о чем свидетельствует его структура. При создании Общества в его состав входили следующие отделения: географии общей, географии России, статистики России и этнографии России.

Несомненно, исследование юридических обычаев также привлекало внимание Русского Географического Общества. Изучение народного юридического быта было предусмотрено еще программой Общества 1847 года. В дальнейшем с целью систематизации указанного направления деятельности Общества была составлена специальная программа собирания народных юридических обычаев 1864 года [5, с. 1].

С развитием деятельности Русского Географического Общества, направленной на изучение юридических обычаев, возникла необходимость создания в рамках Общества специальной комиссии по изучению народных юридических обычаев.

Указанная Комиссия была создана в 1876 году по инициативе действительного члена Общества Н.В. Калачова. Ее деятельность сосредоточилась преимущественно на выполнении двух следующих задач: составление и издание новой программы для собирания юридических обычаев и издание сборника этих обычаев [5, с. 2]. Как справедливо отметил С.В. Пахман, с созданием Комиссии то, что в прежние времена было предметом простой любознательности, было поставлено на самостоятельную научную почву [4, с. 10]. Следует отметить, что Комиссия достигла поставленных задач, и результатом ее работы стало составление Сборника народных юридических обычаев.

Во-вторых, в рассматриваемый период большинство населения России особенно в сфере частных гражданских правоотношений руководствовалось не писанным законом, а нормами, сложившимися путем многократного повторения, то есть юридическим обычаем. Более того, юридическая сила обычая признавалась законом.

Широкое применение обычая в сфере гражданских правоотношений вполне закономерно. С одной стороны, российский законодатель уделял нормам гражданского права гораздо меньше внимания, чем нормам уголовного права. Например, такие известные памятники русского права как Русская правда, Судебники 1497 и 1550 годов были, прежде всего, сводами норм уголовного и уголовно-процессуального права; нормы других отраслей законодательства были представлены в них гораздо более узко. С другой стороны, принимая во внимание обширность территории государства, применение норм обычного права было гораздо более эффективным, поскольку учитывало особенности конкретной местности, могло меняться с течением времени и изменением гражданских правоотношений.

О том, что нормы обычного права действительно активно применялись в России свидетельствует обширная практика волостных судов, которая стала основой для многих исследований по вопросам обычного права. В частности, труд С.В. Пахмана «Обычное гражданское право в России (юридические очерки)», задачей которого было выяснить, какие юридические начала, кроме права писанного, существуют и соблюдаются в народном быту в области гражданского права, построен, главным образом, на анализе решений волостных судов по конкретным делам. В названном труде исследуются решения волостных судов за несколько лет в различных местностях при этом, как указывает С.В. Пахман, «при всем видимом разнообразии юридических начал, соблюдаемых в практике волостных судов, встречается весьма немало и таких начал, которые с одинаковою силою действуют почти повсюду, хотя такое однообразие объясняется, конечно, тем, что и самая обстановка крестьянского быта, равно как и уровень его развития, везде более или менее одинаковы» [4, с. 12].

Следует отметить, что в научной литературе XIX века значительное внимание уделялось также вопросам, связанным с деятельностью волостных судов. В частности, в работе И.Г. Оршанского «Народный суд и народное право» исследуется вопрос о преобразовании волостных судов. В указанном труде автор объективно оценивает деятельность волостных судов, указывая на ее недостатки, злоупотребления и упущения. Вместе с тем,

по мнению И.Г. Оршанского, «при всех своих капитальных недостатках «учреждение это представляет безусловно меньшее зло сравнительно с подчинением крестьянства общему суду и общему праву» [2, с. 210]. К такому выводу исследователь приходит с учетом значительных различий правовых воззрений высших и низших сословий, между официальным и обычно правовым бытом.

На основании изложенного можно сделать однозначный вывод о том, что нормы обычного права активно применялись в XIX веке. Несмотря на данное обстоятельство, законодательство, действовавшее в рассматриваемый период, основалось не на нормах обычного права, а на теоретических представлениях и западных идеях. Таким образом, между законом и обычным правом возникали коренные противоречия. Как обоснованно отмечал И.Г. Оршанский, «ни один из европейских кодексов не сложился так независимо от народных обычаев, как русский, и следовательно ни один не нуждается в такой степени в обычае как в коррективе официального права» [2, с. 202].

В-третьих, росту исследовательского интереса к проблемам обычного права способствовала, проводившаяся в XIX веке систематизация российского законодательства, результатом которой стало создание Свода законов Российской Империи, объединявшего в себе все существующие законы с исключением недействующих законов, но без внесения изменений в существо действующих законов. Такой подход к систематизации законодательства, безусловно, имел слабые стороны. Последствием его применения стало наличие у Свода законов Российской Империи таких недостатков, как слабая связь между отдельными статьями Свода, преобладание казуистического характера изложения норм, несистематичность в расположении статей, имеющих общий предмет правового регулирования.

С учетом недостатков Свода законов Российской Империи, а также несоответствия свода законов гражданских требованиям практической жизни и возникает острая необходимость создания нового гражданского уложения. Безусловно, в научных трудах исследовались различные дискуссионные вопросы, связанные с изданием нового гражданского уложения, одним из которых был вопрос о том, «должно ли уложение черпать материал из одних писанных законов, или же при его составлении должно быть принято во внимание также и обычное право» [3, с. 27]. Как было отмечено ранее, в XIX веке осознается практическая значимость обычного права, поэтому на вопрос о том, должно ли при составлении нового гражданского уложения приниматься во внимание обычное право,

большинство исследователей рассматриваемого периода отвечали утвердительно.

В-четвертых, влияние на изучение обычного права оказала отмена крепостного права. Действительно, в соответствии с пунктом 2 «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» 1861 года крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости, были предоставлены права, свободных сельских обывателей, как личные, так и имущественные [1]. Таким образом, крестьяне получили гражданскую правосубъектность. Именно нормы обычного права повсеместно применялись крестьянами, составлявшими значительную часть населения Российской Империи.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что основными причинами роста исследовательского интереса русских правоведов к проблемам обычного права в XIX веке являются: деятельность Русского Географического Общества; широкое практическое применение обычая в особенности в сфере гражданских правоотношений; деятельность по систематизации российского законодательства; получение крестьянами гражданской правосубъектности.

Список литературы:

1. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 года. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/krest.htm> (дата обращения 28.08.2013).
2. Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879. — 453 с.
3. Пахман С.В. История кодификации гражданского права. Т. 2. СПб., 1876. — 485 с.
4. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России: юридические очерки. Т. 1. СПб., 1877. — 447 с.
5. Сборник народных юридических обычаев. Записки Императорского русского географического общества по Отделению этнографии. Т. 8 / под ред. П.А. Матвеева. СПб., 1878. — 625 с.

СЕКЦИЯ 5.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

К ВОПРОСУ О МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, доцент РГГУ,
г. Великий Новгород*

E-mail: andreeva56@mail.ru

TO THE QUESTION OF INTER-REGIONAL SAFETY

Lybove Andreeva

*candidate of juridical sciences, associate professor
of Russian State Humanitarian University,
Veliky Novgorod*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам координации систем органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению межрегиональной безопасности в федеральном округе. В результате анализа состояния региональной безопасности и техногенных катастроф, автор предлагает внести изменения в законодательство, определяющее полномочия федеральных и региональных органов исполнительной власти по обеспечению безопасности.

ABSTRACT

The article is dedicated to coordination of state authorities and local self-government by ensuring inter-regional security in the Federal district. Analysis of regional security and man-made disasters, the author proposes to amend the legislation defining the powers of the Federal and regional bodies of Executive power to ensure security.

Ключевые слова: безопасность, межрегиональная безопасность, субъект федерации, полномочия, исполнительные органы государственной власти, органы местного самоуправления.

Keywords: security, regional security, a subject of the Federation, the powers, the Executive bodies of state power, bodies of local self-government.

Сложность реализации идеи межрегиональной безопасности заключается в чрезвычайно большой территориальной удаленности и в несогласованности действий органов государственной власти в различных регионах Российской Федерации, федерального центра и федерального округа. В конечном счете, перспективы развития страны в целом зависят от возможностей каждого федерального округа в отдельности и всей совокупности регионов в целом обеспечивать безопасность населения. Каждый регион (субъект федерации) обладает собственной логикой развития, определяющейся уникальным сочетанием факторов внутренней и внешней среды. Следует отметить, что понятие «безопасность» зачастую недостаточно четко определяется, в результате возникает некая «размытость» предмета исследования. Кроме того, в ходе разработки проблематики феномена безопасности появилось несколько подходов к пониманию понятия «безопасности», в рамках каждого из которых оно понимается особым образом, что накладывает отпечаток и на анализ объекта. Сущность безопасности заключается в такой организации системы, при которой она могла бы длительное время стабильно функционировать и противодействовать как угрозам, заключенным в рамках нее самой, так и угрозам извне. Межрегиональная безопасность является подсистемой национальной безопасности, например, в условиях техногенных катастроф (лесных пожаров, наводнений). Некоторые авторы, осуществляя концептуальный анализ национальной безопасности через характеристику опасностей и угроз, способных необратимо дестабилизировать жизнедеятельность и развитие личности, общества и государства, рассматривают исключительно государственную безопасность.

В рамках классификации видов безопасности могут применяться различные критерии. Например, в зависимости от того, какой объект ограждается от угрожающих ему опасностей, можно выделить безопасность государства, общественную безопасность, безопасность населения, личную безопасность отдельного человека, гражданина, безопасность города, региона, федерального округа.

Система межрегиональной безопасности сложна и многогранна, постольку охватывает собой различные сферы человеческой жизнедеятельности, а в рамках региональной безопасности указывается об экономической, политической, демографической, экологической и иных ее составляющих (подсистемах). Потребности управления такой большой и сложной по многим показателям страной диктуют необходимость повышенного внимания именно к межрегиональной политике в рамках федерального округа. Существует несколько возможных подходов к пониманию феномена межрегиональной безопасности в зависимости от двух условий: во-первых, в зависимости от выбора определения понятия «федеральный округ» и «регион», а, во-вторых, от выбора масштаба рассмотрения проблем межрегиональной безопасности. Под «регионом» понимается часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. Регион может совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации либо объединять территории нескольких субъектов Российской Федерации, например, федеральный округ. Таким образом, характеристика федерального округа и субъекта федерации совпадает в части общности природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий, вместе с тем положение субъекта федерации регулируется Федеральным законом [7].

С одной стороны, составляющую межрегиональной безопасности можно определить как суммирование безопасности субъектов Российской Федерации - состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государственных структур субъектов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз. Такой подход нашел отражение при формировании органов исполнительной власти некоторых субъектов Российской Федерации, где функционируют управления региональной безопасности, в задачи которых входит проведение государственной политики и осуществление управления в сфере обеспечения общественной и экономической безопасности, а также правопорядка на территории субъекта РФ. Данные государственные органы призваны проводить координацию в борьбе с преступностью, коррупцией, содействовать предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Для противодействия угрозам в сфере региональной безопасности создается и функционирует система обеспечения региональной безопасности, которая образуется органами законодательной, исполнительной и судебной властей, государственными, общественными и иными организациями и объеди-

нениями, гражданами, принимающими участие в обеспечении безопасности в соответствии с законом, а также законодательством, регламентирующим отношения в сфере региональной безопасности. Правовой институт региональной безопасности включает в себя правовые нормы, которые устанавливают: объекты региональной безопасности; предмет, цели, задачи и функции обеспечения региональной безопасности; средства и методы обеспечения региональной безопасности; субъекты обеспечения региональной безопасности, их правовой статус и функции; принципы обеспечения региональной безопасности; правовые средства обеспечения региональной безопасности; правовые режимы обеспечения региональной безопасности. Анализ указанных ключевых факторов обеспечения региональной безопасности должен сочетаться с экспертизой при разработке политики и стратегии национальной безопасности и планировании ее обеспечения. Федеральное законодательство дает основания для разработки норм региональным законодателем в области обеспечения безопасности в субъекте федерации. При разработке мер обеспечения межрегиональной безопасности правоприменитель сталкивается с отсутствием уполномоченных органов федерального округа, ответственных за обеспечение безопасности и координации действий соответствующих федеральных и региональных органов власти. Пояснить такую ситуацию, по мнению автора, следует пробельностью законодательства по определению правового статуса федерального округа, формальностью организации межрегиональной системы органов исполнительной власти. Например, паводковая ситуация на Дальнем Востоке указывает на отсутствие координации федеральных структур, имеющих органы окружного управления, и одноименные органы федерального центра.

На процесс проведения межрегиональной политики воздействуют различные факторы, которые могут нарушить запланированный ход ее проведения. К таким факторам могут относиться:

- различные экономические факторы (например, безграмотное управления субъектом РФ, приведшее к росту бедности населения и остановке стратегически важных производств);
- стихийные бедствия, вызывающие вынужденную миграцию населения;
- вступление в силу нормативных актов, способствующих дестабилизации ситуации в регионе в целом либо отдельном муниципальном образовании.

Межрегиональная политика имеет ряд уровней реализации: государственную стратегию регионального развития, межрегио-

нальную политику, региональную политику субъектов Российской Федерации, политику местного самоуправления. На последнем (муниципальном) уровне межрегиональная политика формируется и реализуется в той мере, в которой муниципальные образования взаимодействуют с субъектами Российской Федерации, на территории которых они находятся, а также с соседними и иными субъектами Российской Федерации и федеральным округом.

Межрегиональную безопасность необходимо понимать комплексно, включая вопросы защиты гражданских прав и имущественных интересов граждан, обеспечение безопасности среды в части чрезвычайных техногенных и экологических ситуаций и катастроф, а также и социально-экономическую безопасность. В общественной организации и человеческих отношениях безопасность имеет существенное значение. Ее роль определяется тем, что небезопасные условия не способствуют производительному труду и отвлекают от него людей, вынужденных расходовать свои силы, ресурсы и средства на борьбу с обращенными против них опасностями. Безопасность создает необходимые условия и предпосылки для созидательной деятельности людей, улучшения их благосостояния и увеличения общественного богатства.

Обеспечение национальной безопасности России — это систематическая деятельность государственных органов, общественных институтов и отдельных граждан, направленная на надежную защиту национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз и эффективное противодействие им. Обеспечение безопасности личности, общества и государства (национальной безопасности) достигается государственным управлением системой обеспечения национальной безопасности [5]. К числу важных принципов обеспечения безопасности относятся комплексность и системность. Комплексность проявляется как свойство «обеспечения» учитывать все условия и факторы, оказывающие существенное влияние на процесс достижения цели: объективных и субъективных, правовых и организационных. Системность проявляется как свойство согласованного использования для достижения цели всех имеющихся сил и средств.

Признаком нарушения системы обеспечения межрегиональной безопасности является ее отклонение от нормального развития вследствие воздействия определенных угроз. Показателями отклонения системы обеспечения межрегиональной безопасности являются серьезные проблемы, возникающие при реализации региональной

политики, развитие которых может привести к дестабилизации всей системы региональной безопасности.

Правовая подсистема нормативной правовой базы в сфере обеспечения межрегиональной безопасности представлена слабо. Во многом именно посредством данной подсистемы происходит регулирование всех остальных подсистем обеспечения безопасности населения. Юридической базой формирования законодательства в исследуемой области является Конституция РФ [3], что в определенной мере обеспечивает целостность всей системы безопасности, взаимную согласованность разноуровневых нормативных правовых актов, общность их исходных принципов. Однако, представляется необходимым разработка проекта федерального закона о правовом статусе федерального округа, полномочиях представителей Президента РФ в федеральном округе по обеспечению безопасности населения в федеральном округе, полномочий по организации мероприятий по обеспечению окружной безопасности. Федеральный закон о правовом положении округа и полномочиях представителя Президента РФ в округе, по мнению автора, способствовал бы определению, прежде всего, места и роли отдельных органов государственной власти в механизме обеспечения безопасности личности, общества, государства, их полномочий, направления деятельности в зависимости от вида и характера угроз безопасности страны, правовые аспекты координации их деятельности. В то же время в нормативных правовых актах также необходимо установить правовые режимы, которые имеют значение и используются в интересах обеспечения межрегиональной безопасности.

Не умаляя значение федеральных законов, регулирующих деятельность органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, войск Минобороны России, МВД России, ФСБ и других силовых ведомств, автор считает, что центральное место среди этих актов должен занимать закон о федеральном округе по обеспечению безопасности, который бы свел воедино положения федерального законодательства.

Необходимость введения института федерального вмешательства на уровне федерального округа определяется тем, что далеко не всегда, как показывает практика, «договорные, согласительные, координационные и иные механизмы, направленные на достижение взаимопонимания между Российской Федерацией и ее субъектами, являются оптимальными. В условиях игнорирования властями ряда субъектов Российской Федерации требований и законных интересов Федерации последняя вынуждена прибегать к использованию

принудительных мер обеспечения государственного и правового единства страны» [1].

Как отмечалось выше, региональная политика имеет ряд уровней реализации: государственную стратегию регионального развития, межрегиональную политику, региональную политику субъектов Российской Федерации, политику местного самоуправления. От деятельности всей системы органов государственной власти, в особенности в современных социально-экономических условиях развития России, в период осуществления полномасштабной административной реформы во многом зависит эффективность обеспечения безопасности граждан, общества и государства.

Граждане, общественные и иные организации и объединения также являются субъектами безопасности, обладают правами и обязанностями по участию в обеспечении безопасности в соответствии с законодательством Российской Федерации, законодательством органов власти субъектов Российской Федерации, их нормативными правовыми актами, принятыми в пределах их компетенции в данной сфере.

Интенсивность происходящих в системе обеспечения межрегиональной безопасности изменений зависит от ряда факторов. Во-первых, система обеспечения межрегиональной безопасности должна быть способна адаптироваться к изменяющимся условиям функционирования и развития. Система обеспечения межрегиональной безопасности должна быть восприимчива к воздействию как внутренних, так и внешних факторов, обладать способностью к нейтрализации наиболее неблагоприятных из них (опасности, угрозы, риски, вызовы) и создавать условия для воздействия благоприятных факторов. Свойство адаптивности системы обеспечения межрегиональной безопасности характеризуется и ее способностью к саморазвитию.

Во-вторых, система обеспечения межрегиональной безопасности является управленческой системой. Интенсивность изменений в такой системе зависит от особенностей ее структуры, от того, сколько и каких системных элементов она объединяет.

В ч. 3 ст. 11 Конституции РФ сформулирован важнейший принцип правового механизма реализации разделения властей по вертикали: разграничение предметов ведения и полномочий между двумя уровнями государственной власти происходит как на основании действующей Конституции, так и Федеративного и иных договоров [3].

Как правило, для обеспечения безопасности регионов в субъектах Российской Федерации создаются советы безопасности. Их органи-

зация и деятельность направлены на поддержание порядка в регионе, координацию усилий органов государственной власти по обеспечению тех видов национальной безопасности, которые составляют предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ.

На основании анализа правовых актов субъектов Федерации, регулирующих организацию и деятельность созданных в них таких специфических органов как региональные Советы безопасности, показывает, что в подавляющем большинстве случаев эти региональные структуры являются консультативными органами, осуществляющими свою деятельность под руководством президентов и глав администраций субъектов Российской Федерации [2].

Автор предлагает структурировать систему региональных советов безопасности, образовав Совет Безопасности Федерального округа для чего внести соответствующие изменения и дополнения в нормативную правовую базу.

Например, по мнению автора, наиболее оптимальной была бы следующая схема их взаимодействия между собой. Региональные советы безопасности обобщают данные по состоянию безопасности в своих регионах и передают обобщенные данные в окружные советы безопасности (при полномочных Представителях Президента РФ) и непосредственно в Совет Безопасности РФ. Вместе с тем, при возникновении межрегиональной техногенной катастрофы, приняв соответствующее решение, Полномочный представитель Президента РФ образует штаб и возглавляет Совет Безопасности федерального округа.

Самостоятельность субъектов федерации в решении вопросов региональной безопасности (на региональном уровне) проявляется, прежде всего, в возможности самостоятельно осуществлять деятельность в рамках своих предметов ведения и предметов совместного ведения в соответствии с конституцией федеративного государства и федеральными законами и не ограничивается федеральным округом.

К общим угрозам внутреннего характера можно отнести: противоправный протекционизм зарубежным корпорациям в ущерб национальным и региональным интересам, противоправная деятельность отечественных товаропроизводителей, коррумпированность чиновников, работающих в экономической сфере, критическое состояние здоровья населения, экологии, противоправная продажа невозполнимого стратегического сырья, несовершенство регионального законодательства, регулирующего экономическую деятельность товаропроизводителей, существование теневой экономики

криминальных структур, несовершенство законодательной базы, низкий профессионализм отдельных руководителей и другие.

К угрозам межрегионального характера можно отнести: формирующиеся опасные диспропорции в отраслях экономики, ограниченные запасы природного сырья, энергоресурсов, наличие зон ожидаемых природных и техногенных катастроф и другие.

Угрозы безопасности развитию России и её регионам модифицируются, и хотя некоторые из старых угроз исчезают, зачастую на смену им появляются новые. Они взаимно влияют друг на друга, приобретают комплексный характер и требуют для своей локализации и нейтрализации такого же осознанного, комплексного и системного подхода.

Предпосылками к возникновению источников, причин и очагов острых конфликтов в регионах могут явиться: подмена интересов личности и общества (народа), государства (страны) корпоративными интересами правящей элиты; эволюция демократических институтов власти в сторону авторитаризма и диктатуры, представляющих интересы избранного меньшинства, отчуждающих народ от власти; сохранение антидемократического верхушечного анонимного механизма формирования внутренней и внешней политики, не способного обеспечить её высокое качество; ставка на административно-командную систему государственного управления и другие.

Среди внутренних угроз межрегиональной безопасности можно выделить несколько групп:

- угрозы, порождённые властными элитами в результате совершённых ими ошибок;
- угрозы, вызванные осознанными действиями власти, не отвечающих интересам личности и общества;
- угрозы, связанные с закрытостью власти, отчуждением её от народа;
- угрозы, вызванные сращиванием государственного аппарата с представителями преступности, коррупция.

Таким образом, можно выделить две группы правовых опасностей, влияющих на межрегиональную безопасность государства.

Первая группа — правовая, выраженная в недостатках правового регулирования отношений, связанных с обеспечением региональной и межрегиональной безопасности государства, и их противоречивости.

Вторая группа — субъектная, связанная с бездеятельностью, некомпетентностью отдельных должностных лиц, прямо или косвенно участвующих обеспечивающих безопасность государства, руководство

ими сугубо формальными критериями выполнения своих обязанностей, отсутствием строгого отбора на соответствующие должности.

По мнению К.В. Фатеева, «правовая безопасность складывается из двух основных частей: праворегулирующей и правоприменительной. Эффективность правовой безопасности предполагает постоянное исследование источников угроз, их природы и причин возникновения, возможностей их устранения, поиск и реализацию адекватных мер предупреждения и устранения таких угроз [6].

Многие проблемы в сфере межрегиональной политики обуславливаются общими процессами, происходящими в российском обществе. В экономической сфере это связано с макроэкономической несбалансированностью, спадом производства, разрушением хозяйственных связей и т. д. В социальной сфере — с безработицей, ухудшением обеспечения социальных гарантий, снижением уровня жизни основной части населения, бедностью, ростом социальной дифференциации общества и прочими явлениями.

В связи со сложностью и многогранностью проблем, существующих в сфере межрегиональной политики и влияющих на национальную безопасность, автор пришел к выводу о необходимости их выделения в самостоятельную подсистему, которая получила наименование «межрегиональная безопасность».

Угроза межрегиональной безопасности — совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства в нескольких субъектах федерации в пределах федерального округа.

Опыт работы региональных советов безопасности свидетельствует, что создание специализированных подразделений органов государственной власти субъектов Российской Федерации с привлечением руководителей территориальных управлений федеральных органов исполнительной власти положительно сказывается на обеспечении региональной безопасности. Поэтому целесообразно, на взгляд автора, подобное подразделение создать в аппарате Полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе, обеспечив его всеми необходимыми правовыми, материальными и организационными ресурсами по обеспечению межрегиональной безопасности.

Правовой статус Полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе [4] дополнить следующими положениями:

- организует обеспечение национальной безопасности в федеральном округе, руководство деятельностью федеральных органов исполнительной власти по ликвидации техногенных

межрегиональных катастроф и иных угроз межрегиональной безопасности в федеральном округе;

- руководит штабом по обеспечению межрегиональной безопасности, взаимодействует с органами государственной власти и местного самоуправления субъектов РФ;

- азрабатывает и осуществляет межрегиональные мероприятия и программы по обеспечению безопасности населения федерального округа;

- организует работу органов государственной власти и местного самоуправления в период устранения последствий техногенных катастроф в федеральном округе.

Контроль за деятельностью полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе по обеспечению межрегиональной безопасности в федеральном округе возложить на Руководителя Администрации Президента РФ.

Таким образом, автор полагает, что пробельность федерального законодательства определяющего правовой статус федерального округа, места Полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе, существенно влияют на состояние межрегиональной безопасности, противодействию угрозам безопасности и техногенным катастрофам в федеральных округах.

Список литературы:

1. Барциц И.Н. Федеральное вмешательство: основания и механизмы // Правоведение — 2000. — № 2. — С. 62.
2. Безопасность России: Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты/ Под ред. А.А. Кокошина, К.В. Фролова, Е.О. Адамова и др. М.: Знание, 1998.
3. Конституция Российской Федерации /[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 25.08.2013).
4. Указ Президента РФ «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе» от 13.05.2000 (в редакции Указа Президента РФ от 05.10.2004) /[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 25.08.2013).
5. Указ Президента РФ «Об утверждении положения об Администрации президента РФ» от 06.04.2004 (в редакции Указа Президента РФ от 07.06.2004) /[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 25.08.2013).
6. Фатеев К.В. Юридические опасности военной безопасности Российской Федерации (о некоторых аспектах влияния права на военную безопасность) // Право в Вооруженных Силах. — 2003 г. — № 12.

7. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» № 184-ФЗ// СЗ РФ, 1999. № 42. Ст. 5005; 2000. № 31. Ст. 3205; 2001. № 7. Ст. 608; 2002. № 19. Ст. 1792, № 30. Ст. 3024, № 50. Ст. 4930; 2003. № 27 (ч. 2). Ст. 2709; 2004. № 25. Ст. 2484, № 50. Ст. 4950; 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 17, ст. 25.
8. Чеканов В.Е. Некоторые проблемы государственного управления системой обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в современных условиях и пути их разрешения. // Право и безопасность. — 2004 г. — № 2.

СЕКЦИЯ 6.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПРАВА МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Валетова Юлия Александровна

*преподаватель кафедры международного частного права,
Северо-Западный институт (филиал) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Вологда*

E-mail: yaletovaa@yandex.ru

TOWARDS THE QUESTION OF THE POSITION OF AN INTERNATIONAL FOOD SECURITY LAW IN THE SYSTEM OF MODERN INTERNATIONAL LAW

Yuliya Valetova

*teacher of private international law department, North-West Institute
(branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSLA),
Vologda*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу факторов формирования в системе современного международного права самостоятельного межотраслевого института — права международной продовольственной безопасности.

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of forming factors in the system of modern international law of an independent intersectoral institute — the international food security law.

Ключевые слова: глобальная продовольственная проблема, международно-правовое сотрудничество, право международной продовольственной безопасности.

Keywords: global food problem; cooperation under international law; international food security law.

Появление новых видов деятельности человека, имеющих глобальные масштабы, расширение сферы сотрудничества государств неизбежно отражается на отраслевой структуре международного права.

В настоящее время в системе международного права происходит процесс обособления международных отношений, связанных с решением глобальной продовольственной проблемы. Об этом свидетельствует проведение ряда представительных международных конференций, посвященных проблемам продовольственной безопасности. Вопросы международной продовольственной безопасности входят в повестку дня как регулярных, так и специальных сессий Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, занимают все более заметное место в деятельности международных организаций.

Вместе с тем, сложный многоаспектный характер глобальной продовольственной проблемы свидетельствует о том, что ряд международно-правовых норм, которые, безусловно, можно отнести к категории «продовольственных», интегрированы в уже существующие отрасли международного права, такие как: международное экономическое право, международное экологическое право, международное право прав человека и т. д. Это объясняется «целостностью внутренне взаимосвязанных элементов: общепризнанных принципов международного права, договорных и обычно-правовых норм, отраслей и институтов международного права» [3, с. 26—27]. В частности, международно-правовые нормы, регламентирующие условия и порядок предоставления продовольственной помощи нуждающимся странам, являются частью права международной экономической помощи — подотрасли международного экономического права как совокупности норм, регламентирующих движение материальных и нематериальных ресурсов, не являющихся товаром [4, с. 17]. Сфера регулирования проблемы обеспечения

безопасности продуктов питания для здоровья человека как одного из аспектов продовольственной проблемы входит в сферу регулирования международного экологического права: включает рациональное использование природных ресурсов. Нормы, регламентирующие на международном уровне проблему реализации права человека на питание в мирное время, входят в состав международного права прав человека.

Тем не менее, обозначенные выше предпосылки способствуют формированию ряда факторов, свидетельствующих о возможности выделения совокупности норм, регулирующих отношения в сфере обеспечения международной продовольственной безопасности из других отраслей международного права и оформления правового статуса данных норм в качестве самостоятельного межотраслевого института: во-первых, это очевидное признание мировым сообществом в условиях глобализации необходимости обеспечения международной продовольственной безопасности; во-вторых, особенность международных отношений в сфере глобальной продовольственной безопасности, образующих самостоятельный предмет международно-правового регулирования; в-третьих, субъектный состав данного межотраслевого института, соответствующий субъектному составу международного права; в-четвертых, наличие значительного числа международных договоров, нормы которых регулируют отношения в сфере обеспечения продовольственной безопасности.

На основании вышеизложенного возникает необходимость определения предмета и объекта межотраслевого института — права международной продовольственной безопасности.

Предметом будут выступать отношения субъектов международного права по поводу удовлетворения жизненно важных потребностей населения всех стран мира в продуктах питания, которые выходят за пределы границ государства и должны регулироваться международным правом.

Объект — это благо, на достижение которого направлены вышеуказанные отношения [2, с. 338].

С таких позиций объектом международной продовольственной безопасности являются: во-первых, такой уровень продовольственного обеспечения всего мирового сообщества, который может стать основой его устойчивого развития; во-вторых, продовольственная безопасность каждого государства, народа; в-третьих, продовольственная безопасность человека как реализация его права на питание и свободу от голода, признанного на международном уровне в ряде международных договоров.

По-видимому, завершающим этапом на пути превращения данной совокупности международно-правовых норм в систему, должно стать сплочение этих норм вокруг принципов обозначенной области сотрудничества, таких как принцип уважения права человека на питание, предполагающий корреспондирующую обязанность субъектов международного права защищать данное право, а также осуществлять его реализацию; принцип обеспечения безопасности продуктов питания для здоровья человека, в соответствии с которым все государства должны предпринимать как на внутригосударственном, так и на международном уровне меры, необходимые для обеспечения населения безопасными для здоровья продуктами питания; и принцип оказания продовольственной помощи, закрепляющий право наименее развитых и развивающихся стран с низким уровнем продовольственной обеспеченности, который явился следствием ведения военных действий, природных катаклизмов и экономических кризисов, или просто не имеющих возможности осуществлять коммерческий импорт продовольствия на получение помощи со стороны международного сообщества в форме поставок продуктов питания в целях обеспечения доступа к продовольствию нуждающегося населения. Строгое юридическое оформление обозначенных принципов форме международного договора — например, Конвенции о сотрудничестве в области обеспечения международной продовольственной безопасности, позволит, на взгляд автора, в полной мере квалифицировать имеющуюся совокупность международно-правовых норм по обеспечению глобальной продовольственной безопасности в качестве самостоятельного межотраслевого института.

Подводя итог, отметим, что появление новых областей международного сотрудничества — сотрудничества в сфере обеспечения международной продовольственной безопасности — способствует расширению сферы охвата международного права: формированию новых международно-правовых институтов. Как отмечается в Докладе Исследовательской группы Комиссии международного права ООН «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права», появление новых институтов неслучайно: они призваны отвечать «новым техническим и функциональным требованиям» [1, с. 408—410]. Формирование института права международной продовольственной безопасности, безусловно, способствует прогрессивному развитию международного права.

Список литературы:

1. Док. A/CN.4/L. 682. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://untreaty.un.org/ilc/reports/2006/russian/chp12.pdf> (дата обращения: 20 августа 2013 г.).
2. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник: Учебник для вузов. — 2-е изд. М.: Изд.-во НОРМА, 2000. — 511 с.
3. Международное право: учебник. Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Международные отношения, 2005. — 815 с.
4. Шумилов В.М. Международное экономическое право. Изд. 3-е, переработ, и доп. Ростов н/Д: изд-во «Феникс». 2003. — 512 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ ДЕЙСТВИЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Дёмкина Анна Сергеевна

*соискатель Института законодательства
при Верховном Совете Украины,
начальник отдела аналитической и методической работы
Департамента нотариата, банкротства и функционирования
центрального удостоверительного органа
Министерства юстиции Украины,
Украина
E-mail: danna7-5@mail.ru*

THE USE OF THE INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF LEGALIZATION OF DOCUMENTS FOR VALIDITY ABROAD

Diomkina Anna

*postgraduate student of the Supreme Council Legislation Institute,
Head of the Department of Legal Methodological Support in the Office
of Notary, Bankruptcy and Functioning of Central Attesting Organ,
The Ministry of Justice of Ukraine,
Ukraine*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению механизмов внедрения и функционирования системы электронного апостилирования. Рассматриваются особенности разных способов легализации документов для действия за границей. На основе проведенного анализа теоретических положений и практического опыта успешного функционирования электронной системы регистрации документов для действия за границей в Испании разработаны пути эффективной имплементации системы электронного апостилирования в Украине.

ABSTRACT

The article is devoted to the investigation into the electronic apostille implementation and operation mechanisms. The study also singles out specific features of different ways of the legalization of documents for validity abroad. The author suggests effective methods of e-apostille implementation in Ukraine based on the analysis of theory and practical experience in the successful operation of the Spanish electronic filing system.

Ключевые слова: легализация документов для действия за границей, электронный реестр, электронный апостиль, Гагская конвенция.

Keywords: the legalization of documents for validity abroad, e-register, e-apostille, the Hague Convention.

В последнее время в правовой науке и практике сложились благоприятные условия для изучения проблемы легализации документов для действия за рубежом. Практическая актуальность этой проблемы связана с осуществлением административной реформы в Украине, ориентированной на защиту интересов личности, снижение бюрократизации и повышение прозрачности реализации правовых процедур. Кроме того, научно-технический прогресс, который непосредственно отражается в сфере международного сотрудничества и документооборота, свидетельствует о том, что административные органы до сих пор находятся в поиске наиболее оптимальных способов электронной регистрации и идентификации документов для их действия за границей.

По общему правилу, если международным договором не предусмотрено иное, под легализацией понимают так называемую консульскую легализацию. Консульская легализация документов является одним из способов легализации документов для действия за границей, и рассматривается учеными как один из видов

административных услуг [1, с. 174—175; 2, с. 9]. Однако сложность консульской легализации, несоответствие требованиям экономической и социальной евроинтеграции заставили многие страны отказаться от ее применения в пользу упрощенной процедуры подтверждения подлинности иностранных документов, которая вводится на основе подписания международных договоров. Первым многосторонним договором такого рода стала Гагская Конвенция, отменяющая требование легализации официальных документов, 1961 года (Конвенция об апостиле), согласие о присоединении к которой предоставили Закон Украины от 10 января 2002 года «О присоединении Украины к Конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов» [3]. В настоящее время участниками Конвенции являются около 100 стран. Участники Конвенции освобождают от легализации выданные в других государствах-участниках документы: а) судебных органов или должностных лиц, б) административные, в) нотариальные, г) официальные удостоверения, подтверждающие факты и подлинность подписей. Легализацию этих документов заменяет специальный штамп определенной формы («Апостиль»), который проставляет компетентный орган того государства, где выдан документ. Форма апостиля определена Конвенцией об апостиле. Сертификатом свидетельствуют правильность подписи; статус лица, подписавшего документ; идентичность печати или гербовой марки. Вместе с тем, действительность апостиля не распространяется на содержание официального документа, к которому он прикреплен.

Рассматривая Конвенцию об апостиле важно учитывать деятельность Гагской Конференции по международному частному праву — межправительственной постоянно действующей организации по сотрудничеству между странами в сфере гражданского, процессуального, коммерческого и других отраслей права. В соответствии с целью своей деятельности Гагская Конференция на периодической основе проводит заседания Специальных комиссий (СК), которые осуществляют постоянный мониторинг и анализ применения государствами-участниками положений принятых конвенций и дают рекомендации по их единообразному применению.

СК в пунктах 96—98 выводов и рекомендаций 2009 [4] отмечает, что продолжается разработка внедрения проекта e-APP (электронная экспериментальная программа — e-APP). Ряд стран активно реализует одну составляющую или обе составляющие пилотной программы e-APP (Бельгия, Болгария, Грузия, Испания, Колумбия, штат Канзас, штат Род-Айленд). В Новой Зеландии и в Испании

в качестве составной части электронной e-APP полностью завершен переход на электронный апостиль (проставление апостиля на официальных документах, выполненных в электронной форме). В данном случае электронный документ на машинном носителе приравнивается к документу на бумажном носителе и имеет одинаковую с ним юридическую силу.

Например, в Испании существует два способа создания электронного документа: создание компетентными органами электронного документа на уровне оформления и передачи этого документа органам, которые проводят процедуру апостилирования и оформления электронного апостиля (процедура предусматривает подтверждение в электронном виде достоверности созданного документа, создание электронной копии бумажного документа заявителем, т. е. сканирование документов в формате pdf, для дальнейшей пересылки, легализации и оформления электронного апостиля. Кроме того, все эти действия предполагают административную или уголовную ответственность лица, которым создается данный документ. Проверка подлинности документов происходит с применением электронных образцов подписей и печатей, с использованием электронного реестра бланков строгой отчетности.

Электронный апостиль может проставляться на официальных документах, которые существуют как в электронном, так и в бумажном виде. Электронный апостиль легко проверить в других странах благодаря центральному электронному реестру, содержащему информацию о проставленных/выданных апостилях, которые были проставлены/выданы соответствующими компетентными органами на территории государства-участника Конвенции об апостиле.

Это означает на практике, что при новой системе заинтересованные лица могут «скачать» электронные апостили из электронного офиса, в частности, Министерства юстиции. Лицо, которое обращается за получением электронного апостиля, получает электронный документ единого образца, содержащий e-апостиль с цифровой подписью, а также основной официальный документ. Благодаря внедрению проекта e-APP процесс выдачи апостилей, как показывает практика, быстрее и проще, а также предоставляет действенную помощь в борьбе с подделкой и мошенничеством.

У Министерства юстиции Украины уже есть опыт ведения ряда электронных реестров. В настоящее время Министерство юстиции ведет более 20 электронных реестров (реестр методик проведения судебных экспертиз, единый реестр специальных бланков нота-

риальных документов, наследственный реестр, в который заносятся сведения о завещаниях и другие) [5].

Однако введение национального электронного реестра легализованных документов, заверенных апостилем или прошедших процедуру консульской легализации требует определенных дополнительных ресурсов. Такой реестр должен содержать электронные копии всех легализованных документов, данные о регистраторе, при осуществлении регистрации, электронные образцы печатей и подписей должностных лиц, уполномоченных на осуществление легализационных административных процедур, а также быть интегрированным в другие системы — паспортную, нотариальную и т. п. Для реализации этого стратегического направления представляется целесообразным осуществить ряд мер для повышения надежности документов, составленных и заверенных компетентными органами Украины.

Как результат введения такой электронной системы проверка подлинности документа, прошедшего процедуру легализации, будет осуществляться через единый национальный электронный реестр. Для этого в консульском легализационной надписи или в штампе «Апостиль» должна содержаться ссылка на электронный адрес уполномоченного органа, согласно которому, путем введения регистрационного номера документа и даты заверения (легализации), можно сверить регистрационные данные, а также проверить тождество документа с его электронной копией.

Безусловно, регистрация легализованных/апостилированных документов является важнейшим элементом правового режима административных процедур легализации документов, предназначенных для действия за границей. Выводы и рекомендации специальных комиссий Гаагской конференции, в частности по оптимизации процедуры регистрации легализованных документов и процессов их сохранения и передачи, которые предлагаются зарубежной юридической наукой, должны учитываться при совершенствовании законодательства Украины в сфере осуществления административных процедур по легализации документов для действия за границей.

Повышение международного рейтинга Украины в области признания документов и увеличение потенциала доверия к документам, выданных на территории Украины и предназначенных для использования за границей, требует учета международного опыта тех стран, в которых успешно внедрен электронный апостиль и систему проверки подлинности документов с помощью современных цифровых технологий. Введение проекта e-APP подтверждает, что процесс выдачи апостилей значительно упрощается и создаются

благоприятные условия для избегания подделки и мошенничества в этой правовой сфере.

Список литературы:

1. Виконавча влада і адміністративне право /За заг. ред. В.Б. Авер'янова. К.: Видавничий Дім "Ін-Юре", 2002. — 668 с.
2. Писаренко Г.М. Адміністративні послуги в Україні: організаційно-правові аспекти // Автореферат дис. на здобуття наук. ступеня канд. юр. наук. Одеса. Інститут законодавства Верховної Ради України, 2011. — 20 с.
3. Про приєднання України до Конвенції, що скасовує вимогу легалізації іноземних офіційних документів: Закон України від 10 січня 2002 р. № 2933-III // Відомості Верховної Ради України. — 2002. — № 23. — ст. 153.
4. Conclusions and recommendations of the special commission on the practical operation of the hague apostille, service, taking of evidence and access to justice conventions (2 to 12 February 2009). — 2009. — 14 p.
5. Інформаційний центр Міністерства юстиції України [Електронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.informjust.ua/register>.

СЕКЦИЯ 7.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

СЛЕДСТВЕННО-ОПЕРАТИВНАЯ ГРУППА КАК ОДНА ИЗ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СЛЕДСТВЕННОЙ И ОПЕРАТИВНОЙ РАБОТЫ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Скогорева Татьяна Федоровна

*канд. юрид. наук, ВА МВД России,
г. Волгоград*

E-mail: tanjaskgreva@rambler.ru

INVESTIGATIVE TEAM AS ONE OF THE FORMS OF ORGANIZATION TO IMPROVE THE QUALITY OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE WORK IN THE DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES

Tatiana Skogoreva

*candidate of juridical sciences, The Volgograd Academy
of the Russian Internal Affairs Ministry,
Volgograd*

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрен вопрос о следственно-оперативной группе, как наиболее эффективной форме совместной деятельности следователей, оперативных работников, экспертов-криминалистов и иных специалистов, обеспечивающей более тесное взаимодействие всех участников расследования преступлений и повышения его качества.

ABSTRACT

In this article the issue of investigatory-operative groups as the most effective form of joint activities of the investigators, operative officers, forensic experts and other specialists, providing for the close interaction between the participants in the investigation of crime and improving quality.

Ключевые слова: СОГ; взаимодействие органов следствия и дознания; следственно-оперативная группа; следователь; орган дознания; качество расследования.

Keywords: the interaction of investigation and inquiry; investigatory-operative group; the investigator; the body of inquiry; the quality of the investigation.

В Указе Президента РФ от 18.04.1996 № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» [3] отмечено, что одной из основных форм координационной деятельности правоохранительных органов является создание следственно-оперативных групп для расследования конкретных преступлений.

В органах внутренних дел раскрытие преступлений зависит от совместных и согласованных действий следствия, дознания, оперативно-розыскных и экспертно-криминалистических подразделений. Эти службы не делятся на главные и второстепенные. Каждая из этих служб несет равную ответственность за результат своей деятельности, направленной на раскрытие преступления.

Одним из важнейших условий успешного проведения расследования преступлений и повышения его качества является правильно организованное взаимодействие между всеми подразделениями, принимающими участие в данном процессе. Сущность взаимодействия состоит в том, что каждый орган, каждое подразделение использует в борьбе с преступностью свои, только ему присущие методы. Комбинирование этих методов обеспечивает успех деятельности органов внутренних дел в целом в ходе расследования преступлений.

Сочетание возможностей уголовно-процессуальной деятельности с оперативными результатами и возможностями в наибольшей степени способствует всестороннему установлению обстоятельств совершенного преступления.

Распределение функций между сотрудниками с учетом их процессуального положения, способностей и навыков благоприятствует формированию их мастерства. Разнообразие появляющихся

форм организации работы органов расследования (предварительного следствия и дознания) предполагает необходимость выбора для той или иной ситуации наиболее эффективной формы [1, с. 3.]. В связи со сложностью раскрытия отдельных преступлений создаются следственно-оперативные группы (далее по тексту — СОГ), назначение которых состоит в объединении совместных усилий следственных и оперативно-розыскных аппаратов, что обеспечивает наиболее эффективное сочетание сил и средств правоохранительных органов для достижения единой цели — всестороннее и полное раскрытие и расследование совершенных преступлений.

Мероприятия, обеспечивающие успех расследования преступления, можно подразделить на две группы: организационно-профилактического характера. Организацию комплексных действий всех служб по привлечению специалистов соответствующего профиля и функционального назначения, а так же задействование необходимого количества сил и средств, относят к первой группе. Ко второй группе относятся организационно-тактические формы, которые определяют деятельность непосредственно следственно-оперативной группы.

Обязательным условием создания следственно-оперативной группы, является необходимость проведения по делу длительной и интенсивной деятельности. Хотя это не значит, что работа СОГ обязательно должна быть продолжительной, например, при раскрытии преступлений по горячим следам СОГ реализует свои функции в короткие сроки. Следственно-оперативная группа может быть создана и до возбуждения уголовного дела по сложным преступлениям, когда требуется согласованная работа следователя и органа дознания при поступлении информации о совершенном преступлении.

Как видно из практики, своевременно созданные следственно-оперативные группы, правильная организация их работы, постоянное взаимодействие следователя с сотрудниками органа дознания в ее составе позволяет эффективно раскрывать многие преступления. При надлежащем уровне организации работы соответствующих служб возможна реализация непрерывности и неотложности следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Компонентами, определяющими эффективность взаимодействия при раскрытии преступлений, являются оперативный выезд на место происшествия, квалифицированный его осмотр, качественное использование полученной информации, своевременное привлечение сил и средств соответствующих служб для осуществления розыскных мер, координация и согласование их деятельности.

Как наиболее распространенная и эффективная форма совместной деятельности следователей, оперативных работников, экспертов-криминалистов и иных специалистов, следственно-оперативные группы по сравнению с единоличным расследованием преступлений имеют ряд преимуществ:

- работа по единому плану;
- упрощение подачи поручений следователя органу дознания о производстве следственных и розыскных действий;
- упрощение привлечения сотрудника органа дознания к оказанию содействия следователю при производстве следственных действий;
- облегчение обмена информацией;
- более активное использование в расследовании оперативно-розыскных мероприятий и т. д.

Анализ практики позволяет выделить три основных аспекта обеспечения высоких результатов деятельности такой группы:

- быстрота прибытия на место происшествия;
- качественный состав;
- обеспеченность технико-криминалистическими средствами, оружием, средствами индивидуальной защиты, связи и транспортом.

Следственно-оперативные группы доказали на практике свою эффективность, однако уголовно-процессуальным законом деятельность этого формирования не регламентируется. В уголовно-процессуальном кодексе РФ следственно-оперативные группы не упоминаются. Понятие следственно-оперативной группы, это понятие, сложившееся в результате многолетнего опыта совместной работы различных служб по раскрытию и расследованию преступлений. Данное понятие не процессуальное.

Современная практика правоохранительных органов свидетельствует о наличии определенных правовых и организационных проблем в деятельности следственно-оперативных групп.

Вопросы создания и деятельности СОГ регулируются ведомственными нормативными актами. Однако следует подчеркнуть, что основные положения приказов МВД, регулирующие взаимоотношения следователя с другими участниками, строятся в соответствии со статьей 164 УПК РФ, на основании которой следователь вправе привлекать к участию в следственном действии должностное лицо, осуществляющее оперативно-розыскную деятельность, других участников уголовного судопроизводства [5].

Анализируя сложившуюся криминогенную обстановку, следует отметить, что преступность приобрела по сравнению с недавним

прошлым качественно новые формы и свойства. При этом все чаще приходится сталкиваться с более изощренными способами и приемами сокрытия самих преступлений и их последствий, а также оказанием активного противодействия органам расследования. В настоящее время возникла необходимость в совершенствовании организационных принципов взаимодействия между участниками следственно-оперативной группы.

В таких группах должна быть устранена организационная разобщенность следователей и сотрудников органов дознания, которая, к сожалению, имеет место в настоящее время. Такая разобщенность при работе по одному и тому же делу может, а порой и приводит, к дублированию, волоките и другим негативным последствиям. При правильной организации взаимодействия, оно будет способствовать ведению одновременной, параллельной работы, в результате чего осуществиться постоянный взаимный обмен информацией между следователями и оперативными работниками.

В следственно-оперативной группе на современном этапе должно достигаться наилучшее сочетание функций, направленных на расследование преступлений: процессуальной и оперативно-розыскной. В этом состоит их организационное преимущество. Остается актуальным и с этим нельзя не согласиться, мнение Н.И. Кулагина о том, что организационно-управленческой структуре следственно-оперативной группы, как организованному формированию, присуще наличие прямых и обратных связей, на основе которых осуществляется взаимодействие [2, с. 56.]. Важными показателями данной организационной системы являются ее устойчивость и управляемость.

Несмотря на то, что содержание и формы организации и деятельности совместной работы в составе СОГ регулируются ведомственными нормативными актами, следует рассмотреть взаимодействие внутри группы с точки зрения координации ее структурных элементов и их субординации. Члены следственно-оперативной группы связаны между собой отношениями, которые носят управленческий характер: по горизонтали их действия должны быть согласованными, приведенные в определенное соответствие (координация), по вертикали они регулируются системой строгого служебного подчинения, основанной на правилах служебной дисциплины, отражая тем самым суть субординации.

На следователе, как законном руководителе, лежит вся ответственность за проводимые процессуальные и непроцессуальные мероприятия. На него уголовно-процессуальным законом возложена функция координатора всех действий членов СОГ. Поэтому одним

из принципов функционирования следственно-оперативной группы является четкое разграничение компетенции следователей и других членов СОГ. При этом следователь, являясь руководителем группы, может не вмешиваться в работу процессуально подчиненных ему членов группы. Его полномочия зачастую могут ограничиваться постановкой задач. Выбор же методов, сил и средств их решения является прерогативой членов СОГ, специализированных по направлениям их деятельности.

Факторами, влияющими на отлаженность отношений координации и субординации, являются организационно-управленческая структура СОГ, профессиональные качества участников СОГ, их способности, информационно-тактические аспекты взаимодействия, авторитет руководителя, качественный состав. Эффективность отношений между членами следственно-оперативной группы зависит от обоснованного и своевременного решения руководителя, взаимопонимания и налаженности информационных связей между всеми участниками данной организационной системы. В силу своих процессуальных полномочий субъектом управления всей организационной системой взаимодействующих работников становится следователь. Именно участие следователя в этой работе и создает предпосылки для полного выполнения требований уголовно-процессуального законодательства. Однако оперативные работники, входящие в следственно-оперативную группу, в соответствии с действующими ведомственными указаниями полностью ему не подконтрольны. Выступая на заседании расширенной коллегии МВД Президент России Путин В.В. отметил о необходимости уделить самое пристальное внимание повышению качества оперативной и следственной работы на всех уровнях [4].

Повышение качества работы по раскрытию и расследованию преступлений в первую очередь зависит от эффективного взаимодействия следственных и оперативных служб. При своевременном осуществлении необходимых следственных и оперативно-розыскных мероприятий шансы на раскрытие преступления увеличиваются в несколько раз.

Список литературы:

1. Кулагин Н.И., Миронов Ю.И. Организация и деятельность следственных и следственно-оперативных формирований: Учеб. пособие. Волгоград: ВЮИ МВД России. 1999.
2. Кулагин Н.И. О формировании теории управления системой предварительного следствия: Межвуз. сб. научных трудов. Волгоград, 1983.
3. О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: Указ Президента Рос. Федерации от 18 апреля 1996 № 567 (ред. от 26.06.2013) (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью»). [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (Дата обращения 21.08.2013).
4. Расширенное заседание коллегии МВД от 8 февраля 2013 года. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.pfo.ru/?id=61179>. (Дата обращения 21.08.2013).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174 (ред. от 23.07.2013). [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/popular/upkrf/#info> © КонсультантПлюс, 1992—2013). (Дата обращения 21.08.2013).

СЕКЦИЯ 8.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

НОРМОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, доцент РГГУ,
г. Великий Новгород*

E-mail: andreeva56@mail.ru

THE LAW-MAKING PROCESS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Lybove Andreeva

*candidate of juridical sciences, associate professor
of Russian State Humanitarian University,
Veliky Novgorod*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам нормотворческого процесса, определению стадий и особенностей нормотворческого процесса представительных и исполнительных органов государственной власти и местного самоуправления. Автор полагает, что новации в законодательстве и регламентах органов государственной власти и местного самоуправления приведут к эффективной и целенаправленной реализации норм российского законодательства.

ABSTRACT

The article is devoted to the problems of norm-setting process, drafting stages and peculiarities of normative processes representative and Executive bodies of state power and local self-government. The author believes, that innovations in the legislation and regulations of the bodies of state power and local self-government will lead to effective and targeted implementation of the norms of Russian legislation.

Ключевые слова: нормотворческий процесс, стадии, норма закона, органы государственной власти и местного самоуправления, законодательство.

Keywords: the law-making process, the stage, the norm of the law, bodies of state power and local self-government legislation.

Статья 1 Конституции РФ указывает, что «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» [2]. Таким образом, законотворчество является одним из основных средств развития и функционирования государства. В соответствии со статьей 94 Конституции РФ: «Федеральное Собрание — парламент Российской Федерации — является представительным и законодательным органом Российской Федерации» [1]. Следовательно, законотворчество является основной функцией российского парламента, только Федеральное Собрание РФ имеет право издавать федеральные законы, имеющие высшую юридическую силу по отношению к другим нормативным актам и прямое действие на всей территории Российской Федерации.

Основная задача любого нормотворческого органа заключается в обязанности издавать качественные, своевременные, а главное — эффективные законы. Понятия «законотворчества» и «нормотворчества» близки, но не идентичны друг другу, так как нормотворчеством занимаются и иные, в частности исполнительные органы власти, а если рассматривать органы местного самоуправления, как не относящиеся к системе органов государственной власти, то следует отметить, что значительный массив нормативных актов разрабатывается и принимает представительными и исполнительными органами местного самоуправления. Соблюдение процедур нормотворчества является одной из главных гарантий легитимности принимаемых нормативных актов. Регламенты, устанавливающие процедуры призваны в настоящее время обеспечить качество подготовки и одобрения правовых актов. В связи с чем, разработка процедурных правил представляет собой весьма важное, сложное и кропотливое дело.

С принятием Конституции РФ, перед российским парламентом стояла задача детальной проработки законодательного процесса во всех его стадиях, путём упорядочивания нормативного материалов для формирования чёткой картины деятельности органов государственной власти в этой сфере. Регламенты регулируют весь законодательный процесс и специфику принятия отдельных видов

законов с момента внесения законопроекта и до вступления закона в силу. Столь полную регламентацию можно объяснить важностью для государства этого вида деятельности. Необходимо отменить, что проекты актов должны отличаться достаточно высоким качеством юридической техники.

Как известно, нормотворческий процесс разделяется на стадии. Различные авторы насчитывают различное количество стадий. На федеральном уровне законодательный процесс включает, чаще всего, пять стадий: внесение законопроекта в Государственную Думу, рассмотрение законопроекта в Государственной Думе, принятие закона Государственной Думой, утверждение закона в Совете Федерации, подписание и обнародование закона Президентом РФ. Некоторые авторы указывают наличие основных и дополнительных стадий законодательного процесса (дополнительные возникают при отклонении закона Советом Федерации либо Президентом РФ). Предпочтительно выделение в нормотворческом процессе следующих стадий: законодательная инициатива и порядок внесения законопроекта в Государственную Думу; принятие федеральных законов и проектов федеральных конституционных законов Государственной Думой; рассмотрение и одобрение федеральных законов и федеральных конституционных законов Советом Федерации; порядок преодоления разногласий между Советом Федерации и Государственной Думой в связи с отклонением Советом Федерации принятых Государственной Думой федеральных законов и проектов федеральных конституционных законов; рассмотрение федеральных законов и федеральных конституционных законов Президентом РФ; повторное рассмотрение федеральных законов, отклоненных Президентом РФ; опубликование и вступление в силу федеральных законов и федеральных конституционных законов. Кроме того, следует отметить специфику принятия поправок к Конституции РФ и специфику внесения, рассмотрения и принятия федерального закона «О федеральном бюджете».

В отличие от федерального процесса нормотворчества, на уровне субъекта РФ наблюдается усеченный нормотворческий процесс. В представительных органах власти в связи с наличием единственной палаты в органах законодательной власти субъектов, законотворческие процедуры значительно упрощаются. Вместе с тем, ранее существовавшие двухпалатные региональные парламенты в нормотворческом процессе устанавливали излишние стадии согласования проектов, а сам нормотворческий процесс неоправданно затягивался. Упрощенная система процедур представляется в системе органов

местного самоуправления, однако, скорость принятия нормативных актов влияет на качество нормативного материала, а также в определенных случаях приводит к отмене актов, не соответствующих федеральному и региональному законодательству.

На первой стадии нормотворческого процесса следует упомянуть так называемый «преднормотворческий процесс». Он охватывает этап от появления идеи, предложения о необходимости разработки нового закона до поступления этого предложения на рассмотрение соответствующего органа и подготовки законопроекта. Изначально очень важно определить предмет законодательного регулирования. К сожалению, субъекты законодательной инициативы зачастую не приводят тщательного анализа процессов, явлений и отношений, которые могут быть избраны в качестве объекта законодательного воздействия. Во многих случаях круг законодательно регулируемых отношений, которым свойственны высокая социальная значимость для общества, государства и гражданина, имеют огромное значение для стабильности государственных отношений. Вместе с тем, в некоторых случаях законодатель принимает решение о проведении «нормотворческого эксперимента», то есть принимается нормативный акт, регулирующий важные стороны социальной жизни населения, а затем в процессе правоприменения рассматривается вопрос об оправданности данного нормативного регулирования. Автор считает, что «нормотворческие эксперименты» противоречат условиям соблюдения конституционных прав человека и гражданина.

Нормативный акт является сложным законопроектом, в связи с чем, к его оценке привлекаются эксперты и специалисты различных областей знаний, сопряжённых с темой законопроекта. Любой проект требует лингвистической, криминологической, правовой и антикоррупционной экспертизы. После разработки законопроекта он вносится в соответствующий нормотворческий орган.

Круг субъектов законодательной инициативы в России достаточно широк. Согласно статье 104 Конституции Российской Федерации [2] и статье 103 Регламента Государственной Думы право законодательной инициативы принадлежит: Президенту Российской Федерации, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду Российской Федерации, Верховному Суду Российской Федерации и Высшему Арбитражному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения [7].

Конституция РФ содержит исключительный перечень субъектов права законодательной инициативы. Это значит, что любое иное лицо, либо орган, либо организация, либо группа лиц могут стать субъектами права законодательной инициативы и непосредственно вносить свои законопроекты в Государственную Думу только после принятия соответствующей поправки к Конституции РФ. В субъектах федерации правом законодательной инициативы наделяются и другие субъекты, и только на уровне местного самоуправления правом законодательной инициативы наделены группы граждан, которые непосредственно вносят проекты нормативных актов в органы местного самоуправления, при соблюдении определенной процедуры. На взгляд автора, не совсем оправдано отсутствие права законодательной инициативы для группы граждан в субъектах федерации. Право законодательной инициативы является субъективным правом и может быть осуществлено только в определенных формах. Несоблюдение форм реализации права законодательной инициативы предоставляет законодателю право отказать субъекту права в реализации его права в конкретном случае и потребовать исправления нарушения принятых форм. Право законодательной инициативы осуществляется в форме внесения проектов нормативных актов, проектов о внесении изменений и дополнений в действующие нормативные акты, поправок к законопроектам. При внесении законопроекта субъектом права законодательной инициативы должны быть представлены: пояснительная записка к законопроекту, содержащая предмет законодательного регулирования и изложение концепции предлагаемого законопроекта; текст законопроекта с указанием на титульном листе субъекта права законодательной инициативы, внесшего законопроект; перечень актов, подлежащих признанию утратившими силу, приостановлению, изменению, дополнению или принятию в связи с принятием данного закона и финансово-экономическое обоснование (в случае внесения законопроекта, реализация которого потребует материальных затрат).

Для полного изучения и обсуждения проектов в процедуру принятия нормативного акта включается несколько чтений. В Федеральном Собрании РФ применяется 3—4 чтения, в субъектах федерации, как правило, 1—2 чтения, в органах местного самоуправления проект обсуждается и принимается одновременно. Исключения составляют уставные (конституционные) нормативные акты и бюджеты всех уровней, имеющие особые условия обсуждения, в том числе публикация проектов, публичные чтения и процедура внесения замечаний и предложений в ходе подготовки нормативных актов. Законопроект,

подготовленный к рассмотрению в исполнительных органах власти, рассматривается и принимается по упрощенной и сокращенной процедуре обсуждения.

Представляет интерес ситуация внесения альтернативных законопроектов, рассматриваемых одновременно посредством рейтингового голосования. Если по итогам рейтингового голосования ни один из законопроектов не набрал достаточного для принятия числа голосов, то на окончательное голосование ставится законопроект, получивший наибольшее число голосов. Вместе с тем оба проекта имеют свои положительные стороны, однако в условиях неразвитости системы юридической техники, объединить качества обоих проектов не представляется возможным.

В определенной степени отрицательный опыт нормотворчества связан с объединением второго и третьего чтения в одну процедуру, с «увеличением скорости нормотворчества» страдает качество нормативных актов, в отдельных случаях необходимо также «всенародное обсуждение» проектов. Например, такие нормы, затрагивающие все население государства, как социальные нормы потребления газа, воды и электроэнергии требуют всенародного обсуждения.

При рассмотрении законопроекта в третьем чтении не допускается внесение в него поправок и возвращение к обсуждению законопроекта в целом либо к обсуждению его отдельных разделов, глав, статей. Однако такая регламентная процедура предусмотрена только в Федеральном Собрании РФ, субъекты РФ и органы местного самоуправления такую процедуру не используют.

Отдельного внимания требует порядок наложения «вето» на проекты, принятые законодательными и представительными органами власти, а также «вето» в процессе нормотворчества в органах исполнительной власти.

Таким образом, автор полагает, что с учетом логики нормотворческого процесса, приемов юридической техники на отдельных стадиях нормотворческого процесса, совершенствования юридических процедур, возможно эффективное регулирование возникающих, развивающихся и прекращающихся правоотношений, обеспечение прав и обязанностей их участников. Прежде всего, вслед за другими авторами, хочется указать на слабое развитие юридической техники российских нормативных актов, которая является не только препятствием в законодательном процессе, но и, что важно, существенно снижает качество и, как следствие, эффективность законов. С этой проблемой можно бороться как путем компьютеризации самого нормотворческого процесса, так и путем

создания электронных механизмов, способных подготовить текст нормативных актов и адаптировать к российской правовой системе.

Список литературы:

1. Бюджетный кодекс РФ / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 25.08.2013).
2. Конституция Российской Федерации / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 25.08.2013).
3. Постановление Конституционного Суда РФ по делу о толковании части 4 статьи 105 и статьи 106 Конституции РФ от 23 марта 1995 года // Вестник Конституционного Суда. — 1995. — № 2—3.
4. Постановление Конституционного Суда РФ по делу о толковании отдельных положений статьи 107 Конституции РФ от 22 апреля 1996 года // Вестник Конституционного Суда. — 1996. — № 2.
5. Постановление Конституционного Суда РФ по делу о толковании статьи 136 Конституции РФ от 31 октября 1995 года // Собрание законодательства. 1995. — № 45. — Ст. 4408.
6. Постановления Конституционного Суда РФ по делу о толковании части 2 статьи 137 Конституции РФ от 28 ноября 1995 года // Собрание Законодательства РФ. — 1995. — № 49. — Ст. 4869.
7. Регламент Государственной Думы РФ / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 25.08.2013).
8. Регламент Совета Федерации / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 25.08.2013).
9. Регламент Новгородской областной Думы / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 25.08.2013).
10. Регламент Правительства Новгородской области / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 25.08.2013).
11. Федеральный закон «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» от 14 июня 1994 года // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 8. — Ст. 801.
12. Федеральный закон «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции» от 4 марта 1998 года // Российская газета. 1998. 10 марта.

СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аракелян Элина Рубеновна

*аспирант кафедры теории и истории государства и права
Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Пятигорск*

E-mail: KonstantinStrus@gmail.com

MODERN IDEA OF CIVIL SOCIETY

Arakelyan Elina Rubenovna

*graduate student of chair of the theory and history of state and law
North Caucasian federal university,
Pyatigorsk*

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются и обобщаются сложившиеся представления о гражданском обществе. Предлагается авторская конструкция понятия «гражданское общество».

ABSTRACT

The developed ideas of civil society are considered and generalized. The author's design of the concept "civil society" is offered.

Ключевые слова: концепция гражданского общества, идея гражданского общества, понятие гражданское общество.

Keywords: concept of civil society, idea of civil society, concept civil society.

Переход к информационному обществу, развитие различных форм социальной активности и демократии, процессы глобализации возродили интерес к необходимости широкого осмысления происходящих явлений в контексте гражданского общества. Безусловно, первоначальное представление гражданского общества, как «борьбы всех против всех», кануло в прошлое. Гражданское общество — продукт естественного развития человечества, выражающийся в особом характере экономических, духовных, нравственных условий жизни, способствующий свободной реализации не только частных, но и публичных интересов, достижение которых возможно только

в процессе действенных социальных коммуникаций, которые строятся на основе равенства, свободы и справедливости.

Гражданское общество, представляет собой самоорганизующуюся систему поведения и взаимодействия людей друг с другом, связанных общностью интересов, активностью, национальными и культурными традициями, особенностями экономики, моральными, религиозными, правовыми ценностями. При этом гражданское общество постоянно развивается, расширяются коммуникации людей, их разнообразных объединений, организаций. Не следует забывать, что нет гражданского общества вообще, в каждой стране существует своё «собственное» гражданское общество. Вместе с этим есть то общее, что позволяет определить гражданское общество как систему жизнедеятельности самых различных личностей, сферу личной свободы, ограниченную только определёнными социальными нормами (в первую очередь моральными, затем правовыми). При этом для гражданского общества, как и для любой другой, динамично развивающейся системы характерно сосуществование прагматического и иррационального, закономерного и случайного, которое проявляется через деятельность личностей в процессе удовлетворения своих интересов, осуществления субъективных прав и юридических обязанностей, интересов и дарований.

Применительно к российской действительности стоит помнить, что институты гражданского общества пока ещё не стали реально работающей, достаточно массовой и стабильной структурой, где учитывались бы такие ценности человека, как свобода, независимость, ответственность [8, с. 7]. Именно эти качества оказывают значительное влияние на общественную жизнь. Решение проблемы становления и развития гражданского общества в России требует учёта опыта, истории мысли как отечественной, так и зарубежной [3, с. 384] и в особенности регулятивного потенциала права и государства.

Не приходится доказывать, что развитие институтов гражданского общества имеет свою историю и социальное назначение. К сожалению, есть институты, которые строят свою деятельность на потакание самым низким инстинктам человека и получают от этого прибыль. В государственном масштабе особую значимость приобретает изучение деятельности институтов, которые иницируют социальную активность граждан, способствуют правопорядку, развитию культуры, «стабильности духовно-нравственных форм бытия индивидов» [1, с. 354], создают политические, правовые и нравственные условия для безопасной жизни человека, для проявления способностей и активности человека во всех сферах жизне-

деятельности. Социально полезная роль институтов гражданского общества признаётся и гарантируется юридическими законами, с помощью которых они выстраивают не только свои коммуникации, но и оказывают влияние на официальные органы власти, в том числе и органы судебной власти.

Отдельно стоит остановиться на связи гражданского общества с государством и правом. Самим понятием «гражданское общество» подчёркивается: 1) *привязанность к государству и праву*, подчёркивается наличием в существующем определении слова «гражданское», родовым понятием которого выступает категория гражданство, гражданин; 2) *обособленность, самоорганизованность*, т. к. в названном словосочетании присутствует — категория общество, что подразумевает часть материального мира, включающую в себя разнообразные способы социального взаимодействия и формы объединения людей, способных создавать орудия труда и пользоваться ими. В широком понимании слова — это совокупность всех видов социального взаимодействия людей и форм организации их совместной жизнедеятельности, которые сложились исторически.

Политико-правовое естество гражданского общества отметил И. Кантом в следующем: «выводить» теоретически и практически государство за пределы гражданского общества, не совсем правильно, так как гражданское общество предстаёт как целостное явление, качественное функционирование институтов которого немислимо без взаимодействия с государством [4, с. 151]. Иными словами, гражданское общество — это сфера общественных отношений в своей основе неподконтрольная государству, но связанная с последним и взаимообусловленная им. «Действуя в правовом поле и руководствуясь нормами права, ориентированными на *удовлетворение собственных интересов*, достижение свободы, справедливости государство и *институты* гражданского общества взаимодействуют между собой, предопределяя *развитие* (курсив авт. — Э.А.) друг друга. Такое понимание придаёт гражданскому обществу статус теоретически надёжной и осуществимой на практике политической и социальной конструкции» [5, с. 20; 7, с. 48].

Как показала практика, ориентированность на непризнанные в обществе ценности приводит, к социальным кризисам, потрясениям которые наблюдались в конце XX в., и начале XXI в СССР, Китае, Африке, Грузии, Египте, Сирии и т. д. На основании этого примера очевидна взаимосвязь и взаимообусловленность политики государства от деятельности структур гражданского общества.

Приведённое суждение подчёркивает взаимообусловленность развития правового государства и гражданского общества. В этой связи прав Д. Кин, отмечая, что «без надёжно защищённого и независимого гражданского общества с его автономными публичными сферами такие цели, как свобода и равенство, совместное планирование и общественное принятие решений, будут лишь пустыми лозунгами. Но без выполняемых государством функций гражданское общество обернётся созданием гетто, разобщением и застоём или породит свои собственные формы неравенства и несвободы» [2, с. 50]. Развивая это высказывание, представляется оправданным отметить, что без участия институтов гражданского общества в политико-правовой жизни немыслимо прогрессивное развитие. В интересах научной достоверности проследим на практике названную специфическую черту.

Как извещено, важнейшим условием для гражданского общества является существование свободных, равноправных и активно действующих индивидов, объединяющихся в коллективы для удовлетворения интересов. Данное обстоятельство предполагает деятельность индивидов в публичной, а та в свою очередь в политической сфере, где они, подчиняясь собственным желаниям, капризам, руководствуясь экономическими и духовными потребностями, стремятся к достижению эгоистических или общественных целей, путём взаимодействия между собой и структурами государства. Возможность участия в политической жизни помогает творческой, инициативной самоопределяющейся индивидуальности выдвигать и реализовывать собственные интересы согласовывая с общественными. Данное обстоятельство выступает источником развития в различных секторах жизни. В этой связи прав Д. Кина указав, что «гражданское общество становится для политической власти вечным бельмом на глазу» [2, с. 51].

Подвергнув более глубокому анализу политическое измерение гражданского общества, следует отметить, что его политическая природа представлена в деятельности, связанной с отношениями между социальными группами, сутью которых является определение форм, задач и содержания деятельности структур самого общества и государства. В качестве субъектов гражданского общества в данных отношениях выступают граждане, политизированные общественные объединения (куда входят и политические партии), социальные институты [10, с. 137].

Развитая политическая система, выступая механизмом таких отношений, призвана не только отражать разные общественные

интересы, но и давать им возможность избежать прямого столкновения, гражданской войны, заменяя традиционную междоусобицу гражданским миром и согласием. Безусловно, основу гражданского общества составляют и другие формы общественных отношений, однако именно сфера политического участия фактически обеспечивает самоорганизацию данного института.

Особое значение для юриспруденции приобретает анализ правовых оснований гражданского общества. Современные авторы зачастую игнорируют, что названное общество выступает предпосылкой (основанием) права, как и всех социальных явлений. Право является моментом, стороной такого общества, но в то же время право оказывает обратное воздействие на общество [6, с. 48]. Правом закрепляются основы социума, в том числе появляющиеся в нём ростки социально-полезных форм общественных отношений, объективно необходимые образцы поведения, являющиеся конститутивными для социума.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что гражданское общество является идеально-реальным (идеально направляемым и реально существующим) образованием. Как идеальная сфера оно представлено совокупностью идей, представлений, традиций, норм, ценностей, интересов, опосредующих взаимодействие системных и жизненных начал социального мира, налагающих культурные, нравственные ограничения на их деятельностное проявление. Как реальный феномен оно выступает в виде внешне выраженной структуры действий или отношений, ориентированных на поддержание устойчивого равновесия между ними. Такое «сцепление» образует новую систему, соединяющую экономику, право и нравственность в единый комплекс, именуемый гражданственностью.

Полагаясь на имеющиеся наработки в области конструирования юридических понятий, представляется вполне разумным предложить следующую дефиницию гражданского общества [11, с. 82].

Гражданское общество — это совокупность негосударственных структур, институтов, обеспечивающих коммуникации в политической, экономической, правовой, семейной, культурной, духовной жизни с целью удовлетворения потребностей человека.

Список литературы:

1. Гобозов И.А. Социальная философия. М., 2007. — С. 354.
2. Кин Д. Демократия и гражданское общество / Пер. с англ.; Послел. М.А. Абрамова. М.: Прогресс-Традиция. 2001. — С. 50.

3. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М., 2010. — С. 384.
4. Спиркин А.Г. Философия: Учебник. М.: Гардарики. 2000. — С. 151.
5. Струсь К.А. Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия в России. Санкт-Петербург: Изд-во Юридического института. 2005. — С. 20.
6. Струсь К.А. Специфика правовой политики в сфере формирования гражданского общества / Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2009. — № 4. — С. 48.
7. Струсь К.А. Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия в России: диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Саратов, 2003. — С. 56.
8. Струсь К.А. Гражданское общество и государство: генезис идеи и современная Россия // Новая правовая мысль. — 2003. — № 2. — С. 7.
9. Струсь К.А. Понятие и признаки правовых основ // Современное право. — 2012. — № 3. — С. 8—10.
10. Струсь К.А. Элементы гражданского общества / Вопросы современной юриспруденции: материалы XXVII международной заочной научно-практической конференции (31 июля 2013 г.) Новосибирск: Изд. «СибАК». 2013. — С. 137.
11. Струсь К.А. Категория «правовые основы»: переход от абстрактного к конкретному / Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. — 2011. — № 3. — С. 81.

**К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ
«ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»
И «ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ»
(ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)**

Самусевич Алексей Геннадьевич

*канд. юрид. наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Иркутского государственного технического университета,
г. Иркутск*

E-mail: samusevich79@mail.ru

**TO THE PROBLEM OF THE RATIO
OF THE CONCEPTS «LAW APPLICATION ACTIVITY»
AND «LAW APPLICATION»
(THEORETICAL LEGAL ANALYSIS)**

Samusevich Alexey

*candidate of Legal sciences, Associate Professor of the Department of State
legal disciplines, National Research Irkutsk State Technical University,
city of Irkutsk*

АННОТАЦИЯ

В данной статье проводится исследование определения и сущности правоприменительной деятельности и соотношение с применением права. Данное направление, как видится, наиболее перспективно, так как позволяет выявить основные признаки и обеспечить эффективное практическое применение норм права при разрешении конкретных юридических дел. В ходе исследования автор приходит к выводу, что правоприменительная деятельность является динамической составляющей и формой применения права и соотносятся как общее и частное.

ABSTRACT

In this article research of definition and essence of law-enforcement activity and a ratio with right application is conducted. Channelized, apparently, it is most perspective as allows to reveal the main signs and to provide effective practical application of rules of law at permission of concrete legal affairs. During research the author comes to a conclusion that

law-enforcement activity is a dynamic component and a form of application of the right and correspond as the general and private.

Ключевые слова: применение права; правоприменительная деятельность; властность; юридическое дело; правоприменительные отношения; форма правоприменения.

Keywords: right application; law-enforcement activity; authoritativeness; legal business; law-enforcement relations; right application form.

В условиях формирования в России гражданского общества и демократических начал переосмысливаются сущность и назначение правоприменительной деятельности. Неслучайно в исследованиях последнего десятилетия процессу правоприменения уделяется большее внимание. В свою очередь, следует отметить, что динамика развития современного российского общества требует модернизации качества правового регулирования, позволяющего максимально эффективно разрешать ту или иную жизненную ситуацию, при этом обеспечить законность и правопорядок в целом.

Сегодня понятие «правоприменительная деятельность» активно используется, как в нормативно-правовых актах различного уровня, так и в научной литературе, являясь одной из важнейших и широко распространенных категорий в общей теории права и отраслевых юридических науках. В связи с пристальным вниманием к обозначенной проблеме, а также востребованностью ее на практике и отсутствием системной и комплексной общетеоретической разработки, можно констатировать, что исследования в данной области представляют собой научный интерес, как в силу своей фундаментальности, так и естественного процесса накопления новых знаний, что побуждает исследователей-правоведов к уточнению и пересмотру тех или иных подходов при выяснении сущности и основных признаков правоприменительной деятельности.

В рамках данной статьи автору представляется возможным проанализировать и показать соотношение таких, на первый взгляд, идентичных понятий как «правоприменение» и «правоприменительная деятельность», тем более в правовой науке указанные понятия рассматриваются одними учеными — как тождественные дефиниции, другими — как понятия, требующие между собой разграничения. Доказательством этого могут служить, как монографии по проблемам правоприменительной деятельности, так и учебная литература по теории права и государства. Чтобы не быть многословным,

достаточно ознакомиться с разделами, посвященными проблемам правоприменительной деятельности, в которых практически ничего не сказано о сущности рассматриваемой деятельности (отсутствует, например, понятие, основные черты, круг субъектов, принципы и т. п.), а их авторы сразу же приступают к рассмотрению сущности понятия «применение права».

Как видится, это не совсем правильно, так как правоприменительную деятельность и применение права стоит разграничивать. В этой связи, верно отмечено В.А. Сапуном, что «следует проводить строгое различие между применением права как стадией правового регулирования и организационно-правовыми формами ее осуществления» [8, с. 185]. Как видится, такая постановка вопроса является отражением принципа, при котором смысл рассматриваемого явления может быть определен при его соотношении с понятиями более широкого плана, то есть с контекстом, в котором существует.

Учитывая плюралистичность научных подходов к рассматриваемой теме, следует кратко обобщить высказанные точки зрения в отношении правоприменительной деятельности, с целью выработки унифицированного определения рассматриваемого явления, его признаков и соотношения с применением права.

С.С. Алексеев, признавая существование правоприменительной деятельности в качестве организационной формы правоприменения, указывает, что «правоприменительная деятельность — это организационное выражение применения права, представляющее собой систему разнородных правоприменительных действий основного и вспомогательного характера» [1, с. 249].

Обосновывая сущность правоприменительной деятельности, С.Б. Швецов указывает и на то, что это «совокупность организационно-правовых средств, с помощью которых управомоченные правоприменительные органы осуществляют нормативно-правовое воздействие на участников регулируемого правоотношения в целях создания предпосылок для реализации применяемой нормы права» [10, с. 18].

М.В. Дорофеев, относительно социальной и правовой природы правоприменительной деятельности, отмечает, что «... в широком общефилософском и историческом контексте правоприменительная деятельность представляет собой особый вид социальной деятельности» [3, с. 12].

«Правоприменительная деятельность, — по мнению К.Н. Пономарева, — явление сложное, не сводимое к изданию актов применения права. Она включает не только закрепленную

в процессуальных нормах процедуру «движения дела», но и большое количество неформальных связей и отношений: различные звенья правоприменительной подсистемы, должностные лица оценивают состояние правопорядка, вырабатывают свои позиции по вопросам применения закона, высказывают мнения и влияют на мнения других лиц, принимают решения по конкретным делам, изменяют текущую практику, выступают с предложениями по совершенствованию законодательства и т. д. Весь этот сложный механизм материально-правовых, процессуальных, организационных, технических, психологических и иных связей и отношений образует правоприменительную деятельность» [5, с. 123].

Достоинства перечисленных основных признаков правоприменительной деятельности совершенно очевидны и разделяются нами. Как видно из приведенных научных взглядов, правоприменительная деятельность рассматривается, во-первых, как разновидность юридической деятельности, во-вторых, как государственно-властная деятельность, в-третьих, как деятельность компетентных субъектов по реализации юридических предписаний, целью которой является реализация права и юридических норм, а также осуществляется в рамках особых правоотношений — правоприменительных.

Кроме того, А.Ф. Григорьев и А.Д. Черкасов, анализируя характерные черты применения права, пишут, что «правоприменительная деятельность осуществляется в особых, установленных процессуальным законом формах, в силу чего правоприменительный процесс становится целенаправленным, в значительной степени огражденным от влияния случайных факторов и непродуманных решений» [9, с. 323].

Таким образом, осуществление правоприменения, как особой формы реализации права, обуславливается наличием процессуальной формы, которой, собственно, и является правоприменительная деятельность. В этой связи, будет полезным отметить, что юридическая процессуальная форма, по общему правилу, представляется как унифицированная конструкция любого вида юридического процесса и научная модель процессуального правоотношения, представленная логически связанными структурными элементами, взаимодействие которых обеспечивает удовлетворение потребности оптимизации различных видов государственно-властной деятельности [2, с. 212].

Именно соблюдение предусмотренной процессуальными нормами строгой формализации правоприменительной деятельности, служит гарантией надлежащего и своевременного разрешения

юридических дел и препятствует произволу со стороны должностных лиц, осуществляющих данную деятельность от имени государства.

Таким образом, более предпочтительной является позиция Р.А. Ромашова и Е.Г. Шукшиной, согласно которой правоприменительная деятельность — это особый (властный) способ осуществления регулятивной и охранительной функции права, сопровождающийся предельно строгим и точным соблюдением инструментальных и процессуально-процедурных регламентов, имеющий своей основной целью разрешение конкретного юридического дела [7, с. 41].

Исходя из этого, правоприменительную деятельность следует рассматривать исходя из двух взаимосвязанных аспектов:

- во-первых, правоприменительная деятельность — это организационно-правовая форма осуществления применения права, выражающаяся в комплексе правоприменительных действий по реализации юридических предписаний;
- во-вторых, правоприменительная деятельность, с функциональной точки зрения, является особым видом юридической деятельности компетентных субъектов, обладающих властными полномочиями, осуществляемой в строгом соответствии с процессуально-процедурными регламентами, с целью разрешения конкретного юридического дела.

Кроме того, исследуя проблемные аспекты правоприменительной деятельности, стоит иметь в виду, что данная деятельность является не хаотичной, чем-то произвольным, а наоборот, процедурно оформленной, в связи с чем, в настоящее время государством установлена довольно-таки большая группа процессуальных норм, призванных обслуживать, регулировать и упорядочивать эту деятельность.

Осуществив общетеоретическую характеристику феномена «правоприменительная деятельность» и определив ее основные формы и существенные черты, автору представляется, в целях соблюдения логической последовательности, далее осуществить теоретико-правовую характеристику соотношения правоприменительной деятельности с применением права.

Вообще признанное в отечественной доктрине учение о применении права было сформулировано еще в 1960—1970 гг. в рамках советской теории государства и права. Однако, как видится, в какой-то мере нельзя не согласиться с точкой зрения некоторых авторов о том, что учение о применении права (или правоприменении в широком смысле), сформулированное в советской науке права, является излишне абстрактным, лаконичным и, по сути, малоинформативным. Данная тема всегда была несколько маргинальной, побочной для теории права, производила впечатление крайне

умозрительной и непригодной для практических целей. Это не удивительно, поскольку в ней зафиксирована лишь наиболее общая схема, из которой исключено большинство содержательных проблем и вопросов, по сути, лишь абстрактная синтактика норм права [6, с. 27].

Необходимо еще раз подчеркнуть, что в рамках данной статьи автор не ведет дискуссию по проблемам определения правоприменения, так как данный аспект требует дальнейшего научного осмысления и может выйти за формат заявленной темы. Тем не менее отметим, что по господствующим представлениям того времени, в отечественной теории права сложилась концепция, согласно которой применение права схематично может быть зафиксировано в виде основных аспектов. Применение права — это форма реализации права, субъектами которой являются компетентные органы, наделенные властными полномочиями. Исполнение этих полномочий обеспечивается принудительной силой государства. Применение права является особой формой реализации права. В отличие его от других форм, оно сливается с обязанностью его осуществить. Правоприменение носит производный характер, поскольку обеспечивает реализацию права третьими лицами. Применение одних норм одновременно требует соблюдения, исполнения и использования других. Отсюда правоприменение — комплексная правореализующая деятельность [4, с. 107—109].

Говоря же о соотношении терминов «правоприменительная деятельность» и «применение права», следует иметь в виду, что категория «применение права» раскрывает только теоретические аспекты понимания того, как и кем должно осуществляться применение права. В данном случае, исходя из этого, смысл дефиниции «применение права» не предполагает динамизма и не дает возможность представить его в действии. В то же самое время, как видится, именно «правоприменительная деятельность» берет на себя задачу показать применение права в движении. В таком понимании применение права и правоприменительная деятельность соотносятся как общее и частное. Применение права, будучи более широким понятием, регламентирует деятельность и правила поведения субъектов в процессе применения правовых норм, что позволяет эффективно обеспечить законность и обоснованность принимаемых правоприменителем решений. В свою очередь, как было отмечено ранее, правоприменительная деятельность является процессуальной формой применения права и обеспечивает динамику данного процесса.

В заключении хотелось бы отметить, что в рамках данной статьи не все указанные проблемы удалось разрешить. Некоторые аспекты

правоприменительной деятельности остаются дискуссионными и постановочными, вследствие чего нуждаются в дальнейшем исследовании. Дальнейшее развитие исследования в данной области определяется необходимостью решения ряда проблемных вопросов, возникающих в сфере реализации предписаний правовых норм, а также уточнения основных положений, что позволит объективно оценить юридическое содержание правовой системы России, кроме того, создать предпосылки для эффективного достижения, поставленных перед правоприменителями, целей.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Общая теория права. М.: Проспект, 2008. — 576 с.
2. Борисов Г.А. Теория государства и права: учебное пособие. Белгород: БелГУ, 2009. — 320 с.
3. Дорофеев М.В. Правоприменительная деятельность по исполнению судебных актов: Теоретико-прикладной аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. — 24 с.
4. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность / под ред. Н.И. Матузова. Саратов: СГУ, 1989. — 218 с.
5. Пономарев К.Н. Об эффективности правоприменительной деятельности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — 2009. — № 2(5). — С. 123—126.
6. Правоприменение: теория и практика / под ред. Ю.А. Тихомирова. М.: Формула права, 2008. — 432 с.
7. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Механизм преодоления юридических конфликтов в сфере правоприменительной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2005. — № 3 (27). — С. 40—48.
8. Сапун В.А. Правоприменительная деятельность: особенности и структура // Ленинградский юридический журнал. — 2005. — № 3. — С. 185—191.
9. Теория государства и права: учебник / под ред. А.С. Мордовца, В.И. Синукова. М.: ЦОКР МВД России, 2005. — 488 с.
10. Швецов С.Б. Эффективность правоприменительной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. — 21 с.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ КАТЕГОРИИ «ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ»

Струсь Константин Александрович

*канд. юрид. наук, доцент, декан юридического факультета,
Северо-Кавказского федерального университета
(филиала) в г. Пятигорске,
г. Пятигорск*

E-mail: KonstantinStrus@gmail.com

Попандопуло Надежда Анатольевна

*аспирант кафедры теории и истории государства и права
Северо-Кавказского федерального университета
(филиала) в г. Пятигорске,
г. Пятигорск*

Email: Nadezgdal9851116@gmail.com

TO THE QUESTION OF THE CONTENT OF THE CATEGORY "LEGAL BASES"

Strus Konstantin Aleksandrovich

*doctor of Laws, assistant professor, dean of faculty of law
(branch) North-Caucasian Federal University in Pyatigorsk,
Pyatigorsk*

Popandopoulo Nadezhda Anatol'evna

*postgraduate student, Department of theory and history of the state
and the right (branch) North-Caucasian Federal University in Pyatigorsk,
Pyatigorsk*

АННОТАЦИЯ

Анализируется содержание категории «правовые основы», определяется её значение в системе юридических категорий.

ABSTRACT

The content of the category "legal bases" is analyzed, its value in system of legal categories is defined.

Ключевые слова: категория правовые основы, содержание юридического понятия, содержание правовых основ.

Keywords: category legal bases, content of legal concept, maintenance of legal bases.

Непременным атрибутом качественного исследования категории правовые основы выступает рассмотрение её содержания. Подобно учёным [1, с. 9; 2, с. 84] законодатель не всегда однозначно представляет содержание правовых основ, а руководствуется только необходимостью решения общих или отдельных частных вопросов правоприменительной практики, не создавая единые основы системы самоорганизации социально-правовой материи в отдельных отраслях жизни, невольно снижая регулятивный потенциал исследуемой категории.

В большинстве актов законодатель, раскрывая содержание правовых основ, ограничивается лишь простым перечислением источников правового регулирования деятельности. Между тем, как обращение к философскому словарю позволяет отметить, что под содержанием понимается «совокупность существенных и отличительных признаков предмета, качества или множества однородных предметов, отражённых в этом понятии» [3, с. 1]. Например, содержанием понятия «коррупция» является совокупность двух существенных признаков: «сращение государственных структур со структурой преступного мира» и «подкуп и продажность общественных и политических деятелей, государственных чиновников и должностных лиц».

В отличие от сущности правовых основ [1, с. 8; 2, с. 81], содержание последних отражается в том, что предписывается правовыми основами. Правовые нормы, провозглашая начала правового регулирования, отражают в себе пределы деятельности, которые позволяют либо запрещают определённый порядок. Правовыми основами может быть конкретно указано то, что «можно», «нельзя» и то, что «обязаны» делать. При этом, рассматривая «возможность» («можно») и «невозможности» («нельзя»), следует иметь в виду не телесную или душевную способность человека: право не в состоянии увеличивать или уменьшать дары природы, данные человеку (напр., мускульную силу, здоровье, талант) или приобретённые им умения. Правовое «можно» следует понимать в смысле «позволено, предоставлено», а правовое «нельзя» — в смысле «воспрещено».

Правовые основы весьма богатая по содержанию категория, которая отражается и в других разнообразных смыслах и контекстах:

1. как совокупность общественных отношений, складывающихся в результате соблюдения справедливости и определяющих содержание правового регулирования;

2. как определённый порядок осуществления субъективных прав и юридических обязанностей;

3. как система нормативно-правовых актов, используемых для упорядочивания определённого вида общественных отношений. Последнее значение представляется наиболее полным, поскольку более чётко отражает значение правовых основ в системе правового регулирования.

Множественность нормативно-правовых актов, принимаемых компетентными органами приводит к тому, что система объединяет в себе несколько десятков тысяч документов. При этом система нормативно-правовых актов, это механическое объединение документов, в определённой последовательности, в которой каждый акт должен действовать сам по себе. Правовые основы это тоже система актов, все компоненты которой находятся в устойчивой динамичной связи. Каждый нормативно-правовой акт в такой системе должен действовать благодаря ряду дополняющих и развивающих его актов.

Мастерство правотворцев в конструировании правовых основ заключается в том, чтобы принять такие нормативно-правовые установления, которые будут вносить элемент новизны в правовое регулирование при одновременном согласовании с основным законом государства и нормами принятыми вышестоящими органами. В идеале правовые основы должны являть собой единую систему нормативно-правовых актов, не содержащих логических противоречий и коллизий. Каждый акт в такой системе должен органично встраиваться в систему действующих актов и усиливать, либо разрушать регулятивное воздействие на общественные отношения.

Согласованность утверждаемых правовых основ обеспечивается двумя способами.

1. Установлением компетенции правотворческой деятельности каждого государственного органа. Правовые основы должны отражать виды актов, вопросы, способы и методы правового регулирования, устанавливаемые для того или иного вида общественных отношений.

2. Обеспечением иерархической связи между нормативно-правовыми актами, суть которой выражается в непротиворечивости нижестоящих по юридической силе актов вышестоящим. Компетенция

органа, непосредственным образом осуществляющего регулирование общественных отношений определяет значение учреждаемых правовых основ в государственной и общественной жизни. Правовые основы, по вопросам входящим в компетенцию, могут устанавливаться как высшими органами государственной власти, так и специально уполномоченными структурами (министерствами; субъектами федерации; органами местного самоуправления; коллективными образованиями).

Ранжированная по юридической силе система нормативно-правовых актов, регламентирующих определённый вид общественных отношений образует собой правовую основу деятельности. В связи с федеративным устройством России, правовые основы могут быть учреждены по следующим компетенциям:

1. правовые основы по вопросам исключительного ведения Федерации и совместного ведения с субъектами федерации;
2. правовые основы по вопросам исключительного ведения субъектов федерации;
3. правовые основы по вопросам ведения органов местного самоуправления;
4. правовые основы по вопросам деятельности организаций, предприятий, учреждений.

Решение вопросов первой компетенции может быть обеспечено следующими правовыми актами первого структурного ряда: 1) федеральными законами; 2) указами Президента РФ; 3) постановлением Правительства РФ; 4) законами субъектов федерации; правовыми актами министерств и ведомств органов исполнительной власти субъектов РФ.

Решение вопросов второй компетенции может быть обеспечено правовыми актами второго структурного ряда: 1) законами субъекта РФ; 2) правовыми актами органов исполнительной власти субъектов РФ.

Решение вопросов третьей компетенции обеспечивается актами третьего структурного ряда: 1) актами органов местного самоуправления.

Решение вопросов последней компетенции обеспечивается актами четвёртого структурного ряда: 1) правовыми актами организаций, учреждений и предприятий.

Объединяют всю действующую систему актов Конституция РФ, которая устанавливает процедуру нормотворчества, способы разрешения противоречий.

Подобная роль отводится конституциям республик, уставам субъектов федерации по отношению к законам и нормативным актам

субъектов федерации; уставам органов местного самоуправления по отношению к актам органов местного самоуправления; уставам организаций, предприятий и учреждений по отношению к издаваемым ими правовым актам.

Таким образом, внешне обособленные структурные ряды нормативных актов выражают содержание правовых основ, выраженное в нормах, содержащихся в Конституции РФ и других нормативных документах.

Список литературы:

1. Струсь К.А. Понятие и признаки правовых основ // Современное право. — 2012. — № 3. — С. 8—10.
2. Струсь К.А. Категория «правовые основы»: переход от абстрактного к конкретному / Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. — 2011. — № 3. — С. 81.
3. Энциклопедия «Википедия»: категория «содержание» — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения 23.08.2013).

СЕКЦИЯ 9.
УГОЛОВНОЕ ПРАВО

**РАЗУМНЫЙ СРОК
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
УЧАСТНИКОВ СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ
НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ**

Архипов Алексей Сергеевич
адъюнкт кафедры Уголовного процесса
Московский университет Министерства Внутренних Дел России,
г. Москва
E-mail: aleksey9957@rambler.ru

**A REASONABLE TIME
IN CRIMINAL PROCEEDINGS AS AN INDICATOR
OF THE EFFECTIVENESS OF THE PROCEDURAL
ACTIVITY OF THE PARTICIPANTS
OF THE PROSECUTION DURING PRELIMINARY
INVESTIGATION**

Arkhipov Aleksey Sergeevich
adjunct of the Department of Criminal process Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка сформулировать обобщенное представление о роли принципа разумного срока уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования. На основе позиции Европейского Суда по правам человека

и российского национального понимания положений о разумном сроке досудебного производства по уголовному делу устанавливается значение и взаимозависимость обстоятельств, учитываемых при определении разумного срока.

ABSTRACT

This article makes an attempt to formulate a generalized view on the role of the principle of reasonable time in criminal proceedings at the stage of preliminary investigation. On the basis of the position of the European Court of human rights and the Russian national understanding of the provisions of the reasonable term of pre-trial proceedings on the criminal case determined the importance and interdependence of the circumstances, which accounted in determining a reasonable time in criminal proceedings.

Ключевые слова: разумный срок; принцип; Европейский Суд по правам человека; предварительное расследование.

Keywords: a reasonable period of time; principle; the European Court of human rights; preliminary investigations.

Требование разумного срока для уголовного судопроизводства появилось в действующем законодательстве более трех лет назад. Введение нового процессуального принципа не получило единодушного одобрения в научной среде. В.М. Быков, например, считает, что новую норму о разумном сроке уголовного судопроизводства следовало бы поместить в главу 17 УПК РФ, которая как раз и регламентирует процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве [1, с. 23]. Другие ученые предлагают распространять требование о разумном сроке на регулирование длительности лишь тех процедур, для которых УПК РФ не устанавливает конкретный срок, тем самым отводя исследуемому принципу роль вспомогательного инструмента в устранении законодательных пробелов [3, с. 36].

В среде практических работников данная новелла также была воспринята неоднозначно, а зачастую негативно. Исследования показывают, что 139 из 203 (68,4 %) опрошенных следователей и дознавателей относятся к рассматриваемому принципу как к вынужденной мере, принятой российским законодателем во исполнение взятых на себя международных обязательств, связанных с созданием на внутригосударственном уровне эффективного средства правовой защиты предусмотренного Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, принятой 04 ноября 1950 года [2], права обвиняемого на разумный срок уголовного судопроизводства. Еще 5 (2,5 %) респондентов отождествляют положение о разумном

сроке с необоснованно получившим статус процессуального принципа правилом исчисления сроков уголовного судопроизводства. Только 59 (29,1 %) опрошенных следователей и дознавателей готовы признать за положениями ст. 6.1 УПК РФ роль важного элемента исторически сложившейся системы принципов российского уголовного судопроизводства.

В интересах более эффективной реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства, в том числе на стадии предварительного расследования, следует обратить более пристальное внимание на сущность и значение основного положения, предусмотренного ст. 6.1 УПК РФ. Это требует теоретического осмысления принципа разумного срока с учетом практики Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) и российских судов.

Оценка разумности срока в каждом конкретном деле осуществляется на основе обстоятельств, перечисленных в ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ, которые аналогичны критериям, выработанным ЕСПЧ при разрешении жалоб на чрезмерную длительность производства по уголовному делу. Если рассмотреть эти обстоятельства применительно к стадии предварительного расследования с точки зрения зависимости показателей, характеризующих состояние каждого из них, от действий и решений лица, осуществляющего производство по делу, общая картина будет выглядеть следующим образом.

При оценке правовой и фактической сложности уголовного дела судам общей юрисдикции предлагается учитывать необходимость проведения экспертиз, их сложность, необходимость допроса значительного числа свидетелей, участие в деле иностранных лиц, необходимость применения норм иностранного права, объем предъявленного обвинения, число подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, потерпевших, наличие международных следственных поручений [9]. Характеризуемое данными признаками фактическое состояние расследуемого события не зависит от воли лица, осуществляющего досудебное производство по делу. Им лишь принимаются адекватные сложности дела меры по установлению подлежащих доказыванию обстоятельств. Такие меры, даже в случае их достаточности и эффективности, требуют дополнительного времени, которое, хотя и увеличивает общий срок производства по делу, не делает его неразумным.

ЕСПЧ и Верховный Суд РФ едины во мнении о том, что участники процесса, когда их поведение учитывается в аспекте оценки разумности срока, не могут осуждаться за использование в полной мере возможностей, предоставленных национальным

законодательством при защите своих интересов [6; 9]. В то же время, такое поведение может выражаться в неисполнении подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим процессуальных обязанностей [7; 9]; в злоупотреблении процессуальными правами [8]. Возникающие в этих случаях по вине подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего задержки в производстве по делу увеличивают общий срок, однако при этом не умаляют его разумности. ЕСПЧ в своих решениях указывает: «... только задержки, за которые несет ответственность государство, могут оправдать установление нарушения требования о соблюдении разумного срока» [4].

Позволяют признать срок разумным промедления в производстве по делу, возникшие в результате лишь такого неисполнения процессуальных обязанностей или злоупотребления правами участника судопроизводства, которое не могло быть предотвращено или компенсировано достаточными и эффективными действиями должностных лиц стороны обвинения по своевременному выполнению возложенной на них процессуальной функции. ЕСПЧ в решении по жалобе Кривоносова отмечает: «за задержки, вызванные неявкой, и за неспособность суда поддерживать порядок несет ответственность государство» [5].

Если правовая и фактическая сложность уголовного дела выступает обстоятельством объективным, влекущем увеличение срока предварительного расследования независимо от признания действий стороны обвинения достаточными и эффективными, то поведение участников уголовного судопроизводства может оправдывать увеличение разумного срока лишь в той мере, в какой оно не попадает под влияние поведения властей, стремящихся ускорить производство по делу. Когда должностные лица стороны обвинения не используют возложенные на них полномочия, затягивающее производство по делу поведение потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, защитника воспринимается в качестве недостатка в деятельности таких должностных лиц. Поэтому с учетом практики ЕСПЧ, поведение участников уголовного судопроизводства следует рассматривать как обстоятельство объективное, наряду со сложностью дела противостоящее действиям уполномоченных субъектов стороны обвинения, стремящихся завершить производство по делу без неоправданных задержек.

Последнее обстоятельство, названное в ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ общим сроком уголовного судопроизводства, является для всех других обстоятельств интегративным, позволяющим сформировать

окончательный вывод о разумности срока производства по делу. Сроки в уголовном судопроизводстве, согласно ч. 1 ст. 128 УПК РФ, исчисляются часами, сутками, месяцами. Приступая к оценке разумности затраченного на производство по делу времени, участник судопроизводства или другое лицо определяет его общую продолжительность. Затем устанавливает, в какой мере временные затраты были обусловлены сложностью дела, негативным поведением заявителя, недостатком в поведении властей. При этом лишь обнаружение задержек, допущенных по причине недостаточных и неэффективных действий должностных лиц, на стадии предварительного расследования осуществляющих уголовное преследование, позволяет признать срок досудебного производства по делу неразумным. Сама длительность судопроизводства как таковая не обуславливает признание ее разумной или неразумной.

В связи с этим разумный срок в уголовном судопроизводстве, а в частности на стадии предварительного расследования, следует рассматривать в качестве показателя достаточности и эффективности действий следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника подразделения дознания, органа дознания, прокурора по своевременному осуществлению предварительного следствия, либо дознания. Разумность срока в наиболее общем виде можно определить как выраженное во временном измерении соответствие поведения властей сложности уголовного дела и поведению участников судопроизводства. Тогда принцип разумного срока (применительно к досудебному производству по возбужденному уголовному делу) представляет собой возведенное в соответствующий ранг требование, адресованное к уполномоченным лицам, в должной мере осуществлять возложенные на них обязанности по выполнению функции уголовного преследования в форме предварительного расследования.

Список литературы:

1. Быков В. Новый закон о разумном сроке уголовного судопроизводства. Законность. 2010. — № 11.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 29.07.2013).
3. Поляков И.Н. Разумные сроки судопроизводства: понятие и значение. Российская юстиция. 2011. — № 4.

4. Постановление ЕСПЧ от 04.12.2008 по делу «Бахитов (Bakhitov) против России» (жалоба № 4026/03) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 31.07.2013).
5. Постановление ЕСПЧ от 27.11.2008 по делу «Кривоносов (Krivonosov) против России» (жалоба № 3023/03) [Электронный ресурс].
6. Постановление ЕСПЧ от 21.10.2010 по делу «Севостьянова (Sevostyanova) против России» (жалоба № 4665/04) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 31.07.2013).
7. Постановление ЕСПЧ от 07.10.2010 по делу «Утюжников (Utyuzhnikov) против России» (жалоба № 25957/03) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 31.07.2013).
8. Постановление ЕСПЧ от 10.06.2010 по делу «Шеноев (Shenoyev) против России» (жалоба № 2563/06) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 31.07.2013).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 30, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 64 от 23.12.2010 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 31.07.2013).
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.07.2013) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 31.07.2013).

**ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА
УЧАСТИЯ БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ
УМЕРШЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО
(ОБВИНЯЕМОГО)
В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

Максимихина Юлия Олеговна

аспирант СамГУ,

г. Самара

E-mail: julia.maksimikhina@legalclinic.ru

**PROCEDURAL FORMS OF PARTICIPATION
TO IMMEDIATE RELETIVE SUSPECT (ACCUSED)
IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS**

Maksimikhina Julia Olegovna

graduate student of Samara State University,

Samara

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются процессуальные особенности участия близких родственников умершего (подозреваемого) обвиняемого при производстве по уголовному делу, анализируются положения проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежавшего привлечению к уголовной ответственности)». Сделаны выводы о возможности их участия в качестве представителей.

ABSTRACT

The article discusses the specific procedure of participation of close relatives of the deceased (suspect) the defendant in the criminal case, analyzed the provisions of the federal law «On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (specify the procedure of the criminal proceedings in the event of the death of the accused, the suspect , a person subject to criminal liability)». Conclusions are drawn about the possibility of their participation as representatives.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; подозреваемый (обвиняемый); смерть подозреваемого (обвиняемого); представительство.

Keywords: criminal proceedings; the suspect (accused); the death of the suspect (accused); the representation.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко» указал на необходимость предоставления близким родственникам умершего подозреваемого (обвиняемого) и иным заинтересованным лицам права требовать продолжения производства по уголовному делу, которое подлежало прекращению в связи со смертью лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности [11, с. 8]. Тем самым КС РФ фактически допустил возможность их участия в уголовно-процессуальных отношениях, что повлекло необходимость наделения их собственным процессуальным статусом со свойственным ему набором прав и гарантий.

Однако вопрос о том, в качестве кого указанные лица должны быть допущены к участию в уголовном судопроизводстве законодательно не решен и в науке уголовного процесса не является бесспорным.

В современной юридической литературе выдвинуты две основные точки зрения на процессуальный статус близких родственников умершего и иных заинтересованных в продолжении производства по уголовному делу лиц.

Согласно первой — родственники умершего и иные заинтересованные в производстве по уголовному делу лица являются правопреемниками умершего подозреваемого (обвиняемого) [2, с. 9]. Однако полностью приравнять статус представителя умершего к статусу подозреваемого (обвиняемого), аналогично тому, как это сделано в ч. 8 ст. 42 УПК РФ применительно к делам о преступлениях, следствием которых явилась смерть потерпевших, по мнению автора, было бы не совсем верным. Близкие родственники умершего и иные заинтересованные в производстве по уголовному делу лица не могут в полной мере заменить самого подозреваемого (обвиняемого). С одной стороны, они не несут уголовно-правовой ответственности за совершенное преступление, с другой — не могут

реализовать некоторых прав, тесно связанных с личностью умершего, в частности, давать от его имени объяснения и показания.

Более правильной представляется вторая точка зрения, сторонники которой настаивают на возникновении отношений по представительству. В частности И.В. Маслов, настаивает на том, что при прекращении уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) на стадии предварительного расследования необходимо признать одного из близких родственников умершего его законным представителем [4, с. 51].

Следует отметить, что вопросы представительства в уголовном процессе рассматривались многими исследователями [14, с. 44—60; 15, с. 245—266]. Впервые определение представительства в уголовном процессе попытался дать П.М. Туленков. По его мнению, представительство в уголовном процессе является самостоятельным институтом уголовно-процессуального права и представляет собой совокупность норм, регулирующих общественные отношения, которые возникают в связи с оказанием одним лицом юридической помощи другому участнику процесса в отстаивании его прав и законных интересов при производстве по уголовному делу [16, с. 136].

Представительство в уголовном процессе — это, с одной стороны, уголовно-процессуальный институт, представляющий собой совокупность правовых норм, регулирующих отношения в процессе производства по уголовному делу между представителем и представляемым, а также между представителем и другими властными участниками уголовного судопроизводства. С другой стороны, представительство это еще и самостоятельная уголовно-процессуальная деятельность одного лица (представителя) в интересах другого (представляемого), осуществляемая наряду с представляемым в пределах предоставленных ему законом полномочий. Целью представительства в уголовном процессе является содействие эффективной защите прав и законных интересов участников процесса.

Представительство же умершего лица специфично, поскольку представляемый как субъект права отсутствует, и очевидно, что представитель для него не только не приобретает прав и не создает обязанностей, но может иметь и собственную заинтересованность в продолжении уголовного судопроизводства.

Необходимо отметить, что если вопрос о защите интересов умершего подозреваемого (обвиняемого) возник в юридической литературе не так давно, то вопрос о защите интересов умершего потерпевшего обсуждался с давних пор [1, с. 33; 12, с. 32; 13, с. 14; 15, с. 245—266; 18, с. 114—115; 19, с. 98].

Наиболее убедительными представляются рассуждения М.С. Строговича, который указывал, что близкие родственники потерпевшего, умершего в результате совершения преступления, являются его представителями в том смысле, что они защищают доброе имя потерпевшего, охраняют его память [15, с. 258]. Здесь, по его мнению, складывается положение сходное с тем, которое создается после смерти лица, честь и достоинство которого были опорочены распространением о нем ложных сведений. Несомненно, что близкие родственники умершего имеют право требовать по суду опровержения таких сведений, и в этом смысле они выступают в качестве представителей умершего.

Данные рассуждения представляются правильными и при рассмотрении вопроса о процессуальном положении близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого).

Представительство умершего — это особый вид представительства, основанный на волеизъявлении заинтересованного лица защищать честь, достоинство и доброе имя подозреваемого (обвиняемого) после его смерти и решении властного субъекта о привлечении к участию в производстве по уголовному делу. Кроме того, у представителя умершего могут быть и иные цели участия в производстве по уголовному делу, такие как защита собственных чести и достоинства, материальная выгода и т. д.

Предпосылкой возникновения отношений по представительству в данном случае является несогласие близких родственников или иных заинтересованных лиц с прекращением производства по уголовному делу в отношении умершего и процессуальное решение дознавателя, следователя, суда о допуске лица к участию в деле в качестве представителя.

С морально-этической стороны право близких родственников отстаивать непричастность к совершенному преступлению умершего может основываться на позиции, занимаемой по делу умершим при жизни, а также на внутреннем убеждении в невиновности умершего, основанного на фактических обстоятельствах дела, в тех случаях, когда смерть подозреваемого (обвиняемого) предшествовала возбуждению уголовного дела или привлечению его к участию в деле, а, следовательно, и официальному выражению своего отношения к подозрению или обвинению.

Изложенное позволяет автору сделать вывод, что близкие родственники и иные заинтересованные в производстве по уголовному делу лица должны привлекаться к участию в производстве по уголовному делу в отношении умершего именно в качестве

его представителей. Несмотря на то, что представительство в данном случае будет носить специфический характер, иного способа допустить указанных лиц к участию в деле не представляется.

Данная позиция поддержана авторами проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежавшего привлечению к уголовной ответственности)», которыми в целях реализации постановления КС РФ была предпринята попытка урегулировать порядок участия близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого) и иных заинтересованных лиц в производстве по уголовному делу в отношении умершего, и предложено допустить их к участию в судопроизводстве в качестве «представителей обвиняемого» [5, с. 2].

Однако, не смотря на концептуальную правильность позиции законодателя в отношении определения процессуального статуса близких родственников умершего и иных заинтересованных лиц, согласиться с разъяснением содержания понятия «представитель обвиняемого» раскрытого в пояснительной записке к законопроекту нельзя. Разработчики законопроекта указывают, что содержание понятия «представитель обвиняемого» определено с учетом положений законодательства Российской Федерации (в частности, Федерального закона «О погребении и похоронном деле», Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), в которых используется понятие «законный представитель умершего».

Однако в понятие «законный представитель умершего» в федеральном законе от 12.01.1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» используется наряду с понятиями «супруг, близкие родственники (дети, родители, усыновленные, усыновители, родные братья и родные сестры, внуки, бабушка, дедушка), иные родственники», т. е. близкие родственники и иные родственники в число законных представителей по смыслу данного закона не входят. Под «законным представителем умершего» в законе «О погребении и похоронном деле» понимаются лица или организации, осуществившие при жизни умершего опеку или попечение над ним [6, с. 18].

Кроме того, термин «законный представитель умершего» в том же смысле используется и в иных нормативных актах, например, в Приказе Минюста РФ от 14 октября 2005 г. № 189 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы» указано, что в случае отсутствия в волеизъявлении умершего указания на исполнителей волеизъявления

либо в случае их отказа от исполнения волеизъявления умершего оно осуществляется супругом, близкими родственниками, иными родственниками либо законными представителями умершего [9, с. 4]. В том же контексте рассматриваемый термин употребляется в КоАП РФ, Основах законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. № 5487-1 [10, с. 21], Приказе Минюста РФ от 23 июня 2005 г. № 93 «Об утверждении инструкции о порядке погребения лиц, умерших в период отбывания уголовного наказания и содержания под стражей в учреждениях ФСИН России» [8, с. 15], Приказе Минздравмедпрома РФ от 29 апреля 1994 г. № 82 «О порядке проведения патологоанатомических вскрытий» [7, с. 13] и других нормативно-правовых актах.

Следовательно, если определять содержание понятия «представитель обвиняемого» с учетом вышеизложенных положений нормативно-правовых актов, то под «представителем обвиняемого» следует понимать лиц и организаций, осуществлявших опеку или попечительство над умершим при его жизни, что в корне противоречит другим положениям законопроекта и позиции КС РФ, выраженной в постановлении.

Вместе с тем по смыслу законопроекта понятие «представитель обвиняемого» — это понятие, включающее привлеченных к производству по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежавшего привлечению к уголовной ответственности, их близких родственников либо их законных представителей, родственников либо их законных представителей, иных близких лиц либо их законных представителей. Такой подход к понятию «представитель обвиняемого» представляется наиболее правильным. На взгляд автора, было бы уместно также дополнить формулировку «представитель обвиняемого» определением «умерший», поскольку этот термин имеет в виду только умерших обвиняемых и подозреваемых.

Таким образом, допуск к участию в уголовном судопроизводстве близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого) и иных заинтересованных в продолжении производства по уголовному делу лиц в качестве представителей является наиболее оправданным и соответствует их назначению в уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

1. Божьев В. Процессуальное положение потерпевшего // Советская юстиция. — 1959. — № 9.
2. Калиновский К.Б. Презумпция согласия родственников на прекращение дела умершего // Уголовный процесс. — 2012. — № 3.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ: принят Государственной Думой 20.12.2001 г.: одобрен Советом Федерации 26.12.2001 г. // Российская газета. — 2001 г. — 31 декабря. — № 256.
4. Маслов И.В. Прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям: как исполнять решение КС РФ // Уголовный процесс. — 2012. — № 5.
5. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности): проект федерального закона от 29.11.2012 г. № 180771-6: принят Правительством РФ 29.11.2012 г. // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=180771-6&02> (дата обращения 16.08.2013).
6. О погребении и похоронном деле: федеральный закон от 12.01.1996 г. № 8-ФЗ: принят Государственной Думой 8.12.1995 г. // Российская газета. — 1996. — 20 января. — № 12.
7. О порядке проведения патологоанатомических вскрытий: приказ Минздравмедпрома РФ от 29.04.1994 г. № 82: принят министерством юстиции РФ 01.06.1994 г. // Российские вести. — 1994 г. — 15 июня.
8. Об утверждении инструкции о порядке погребения лиц, умерших в период отбывания уголовного наказания и содержания под стражей в учреждениях ФСИН России: Приказ Минюста РФ от 23.06.2005 г. № 93 // Российская газета. — 2005 г. — 19 июля. — № 155.
9. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы: Приказ Минюста РФ от 14.10.2005 г. № 189 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2005. — 14 ноября. — № 46.
10. Об охране здоровья граждан: основы законодательства РФ от 22.07.1993 г. № 5487-1: приняты Верховным Советом РФ 22.07.1993 г. // Российские вести. — 1993 г. — 9 сентября. — № 174.

11. По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Вашенко: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 г. № 16-П // Российская газета. — 2011. — 29 ноября. — № 165.
12. Рагинов А.Р. Участие потерпевшего в предварительном следствии // Социалистическая законность. — 1959. — № 4.
13. Савицкий В.М., Потеружа И.И. Потерпевший в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1963. — 169 с.
14. Стецовский Ю.И. Адвокат в уголовном судопроизводстве. М.: Юрид. лит., 1972. — 160 с.
15. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса. Т. 1 / Строгович М.С. М.: Наука, 1968. — 470 с.
16. Туленков П.М. Понятие представительства в советском уголовном процессе // Сборник статей адъюнктов и соискателей. М.: Изд-во ВШ МВД СССР, 1970. — С. 135—140.
17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ: принят Государственной Думой 22.11.2001 г.: одобрен Советом Федерации 5.12.2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001 г. — 24 декабря. — № 52. — (часть I) — ст. 4921.
18. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. Учебник / Чельцов М.А.. — 4-е изд., испр. и перераб. М.: Госюриздат, 1962. — 503 с.
19. Шпилев В.Н. Участники уголовного процесса. Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1970. — 176 с.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОРНОГРАФИИ

Шмыков Дмитрий Валерьевич

*канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса, Прикамского социального института
г. Пермь*

E-mail: dima0999or@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE DEFINITION OF PORNOGRAPHY

Shmykov Dmitry

*candidate of juridical sciences Senior lecturer of the Department of civil
law and process, the Perm social Institute,
Perm*

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются содержание понятий порнография и эротика. Приводятся позиции различных авторов к понятию непристойность, порнография, эротика. Указываются критерии разграничений порнографии и эротики. Под порнографией понимается противоречащее принципам общественной нравственности, вульгарно-натуралистическое, циничное изображение половых органов, специальное детализированное изображение гениталий, сцен полового акта, сексуальных извращений, оскорбляющих честь и достоинство человека.

ABSTRACT

Discusses the content of the concepts of pornography and erotica. Are the positions of the various authors to the concept of obscenity, pornography, erotica. Specify the criteria for distinction pornography and erotica. Based on the evidence, it displays the concept of pornography, which is understood as contrary to the principles of public morality, vulgar-naturalistic, cynical representation of the sexual parts, special detailed image of the genitals, scenes of a sexual act, sexual perversions, insulting the honor and dignity of the person.

Ключевые слова: порнография, эротика, нравственность, непристойность.

Keywords: pornography, erotica, morality, obscenity.

А.В. Наумов в комментарии к УК РФ дает следующее определение порнографическим материалам: «Материал или предмет является порнографическим, если он, взятый как целое, направлен на возбуждение похоти (грубо чувственного полового влечения) и если в явной, очевидно циничной, непристойной форме изображает половое влечение человека, и при этом не имеет существенной литературной, художественной или научной ценности» [7, с. 338].

Как видно из этого определения, главной его составляющей является *циничная и непристойная* форма. Данные определения являются субъективными. Непристойность зависит напрямую от воспитания и культуры определенных лиц. То есть одна категория людей может отнести, исходя из своих познаний, картину либо скульптуру изображающие обнаженное тело к ряду непристойных, а другая группа посчитает это шедевром мирового искусства [5, с. 133].

О. Савельева определяет, «непристойность — как поведение, «вгоняющее в краску» средненормального члена общества, то есть человека, придерживающегося господствующих в этом обществе культурных и социальных норм. С другой стороны, широта понятия непристойность достаточно индивидуальна. Сексуально ориентированная непристойность и есть порнография. Но в юридической практике подобная трактовка этого феномена не работает» [11, с. 25].

Р.С. Джинджолия трактует порнографию как «описание или изображение половых органов, полового акта, половых аномалий и изощрений в непристойном виде, осуществленное вопреки нравственным принципам эротического искусства, с нарушением требований научной сексологии и педагогики, способные вызвать извращенное сексуальное чувство» [4, с. 18].

О.А. Аксенов придерживается мнения о том, что «на представления об этом понятии влияют национальные и религиозные взгляды и традиции, отражающие православные, мусульманские, буддистские, иудаистские и иные вероучения. В результате невозможно создать общенародное, всероссийское понятие о том, что именно является циничным и непристойным в половой жизни» [1, с. 227].

Высказанная позиция представляется спорной. Разумеется, хотя на представления о пристойном и непристойном, влияют культурные, национальные и религиозные особенности разных народов и групп населения, тем не менее, международное сообщество может найти и фактически находит общий язык в понимании и юридическом определении рассматриваемого явления [8, с. 137].

О.Ш. Петросян определяет порнографию как «непристойное, грубо натуралистическое, циничное изображение сексуальной жизни, публично фиксирующее внимание потребителя информации на половых органах персонажей с целью возбуждения грубочувствительного полового влечения и удовлетворения половой страсти» [9, с. 9].

М.В. Гусарова под порнографией трактует «детальную демонстрацию половых органов либо полового акта, умышленно созданную с целью производства сильного полового возбуждения, не обладающую при этом культурной, научной и исторической ценностью, и являющуюся по своей сути оскорбительной для общественной нравственности» [3, с. 28].

Понятие порнографии является оценочным. Только искусствоведческая экспертиза с обязательным привлечением специалистов в области медицины, педагогики, сексологии, художественного искусства, кино-, теле- и видеоиндустрии, других, имеющих соответствующее образование и опыт работы, может отнести тот или иной предмет к статусу порнографических материалов. Однако зачастую к исследованиям привлекаются специалисты, область профессиональных знаний которых находится за пределами искусствоведческого анализа видеопродукции: гинекологи, врачи-педиатры, фотографы, преподаватели школ и т. п. [10, с. 15]. Выводы таких экспертов не могут быть положены в основу заключения, так как они являются не результатом использования специальных познаний в соответствующей области, а лишь субъективной оценкой, основанной на личных предположениях.

Лица, имеющие специальные познания в данной области и входящие в состав комиссии, неоднозначно трактуют понятие порнографии и эротики, так как критерии их разграничения различны.

В настоящее время существует множество точек зрения относительно не только содержания, но и формы порнографии. О.А. Булгакова предлагает разделить ее, на легальную (ограниченную) и нелегальную (запрещенную). При этом, уголовная ответственность, должна наступать во всех случаях распространения запрещенной порнографии, а незаконное распространение легальной порнографии, следует квалифицировать как административное правонарушение или как преступление, предусмотренное ст. 171 УК РФ, — «незаконное предпринимательство» [2, с. 141—144]. С данной позицией автор не согласен, так как, порнография в любой форме несет в себе вред общественной нравственности, в связи с чем более разумным будет ее полный запрет.

В целом, на взгляд автора, можно выделить два противоположных подхода к порнографии.

Сторонники первого считают, что при просмотре порнографических материалов у людей возникает потребность в реализации увиденного, с воплощением своей агрессии, с целью сексуальной разрядки.

Сторонники второго подхода предполагают, что просмотр порнографических материалов способен дать сексуальную разрядку, что приводит, наоборот, к угасанию возможной агрессии [6, с. 633].

Из исследований американского ученого В. Фишера следует, что у 89% из обследованных им мужчин при просмотрах порнографии увиденное не вызвало какой-либо агрессии [12, с. 23—38]. Например, в Дании в 1969 г. порнография была полностью легализована, что послужило снижению числа половых преступлений.

Поскольку данные исследования проводились не в России, нельзя утверждать, что порнографию в нашей стране необходимо легализовать, чтобы получить результат тождественный, описанному выше.

Для более эффективной борьбы с исследуемым негативным феноменом необходимо сформулировать и закрепить в примечании к ст. 242 УК РФ понятие порнографии, а также разработать и указать в постановлении Пленума Верховного суда РФ критерии, позволяющие разграничить порнографию и эротику, чтобы использовать их при проведении экспертизы по каждому конкретному уголовному делу.

Под порнографией следует понимать противоречащее принципам общественной нравственности, вульгарно-натуралистическое, циничное изображение половых органов, специальное детализированное изображение гениталий, сцен полового акта, сексуальных извращений, оскорбляющих честь и достоинство человека.

Таким образом, можно выделить следующие признаки порнографии:

- она фиксирует внимание потребителя на гениталиях, манипуляциях с гениталиями, половом акте и технике его проведения;
- изображение полового акта является в порнографии самоцелью, следование которой убирает из сексуальной жизни другие компоненты сексуального поведения;
- в порнографии отсутствует выражение личностного смысла сексуального поведения;
- она, в отличие от эротики, ориентирована только лишь на стимуляцию сексуального возбуждения;

- порнография изображает дегуманизированные социально или морально осуждаемые формы половых контактов (гомосексуализм, групповой секс, половые контакты с животными и т. д.);
- в ней присутствует демонстрация сексуальных сцен вне художественной задачи с детализированными грубо натуралистичными, циничными, непристойными деталями;
- в порнографических материалах имеет место использование крупного плана, прямых ракурсов съемки при показе сцен полового акта.

Список литературы:

1. Аксенов О.А. Ответственность за преступления против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности по новому уголовному законодательству России. Ростов н/Д, 1997. — С. 227.
2. Булгакова О.А. Уголовная ответственность за распространение порнографических материалов или предметов: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. — С. 141—144.
3. Гусарова М.В. Незаконный оборот порнографических материалов или предметов: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. — С. 28.
4. Джинджолия Р.С. Уголовная ответственность за незаконное распространение порнографических материалов или предметов. Сочи, 2001. — С. 18.
5. Изосимов С.В. Незаконный оборот порнографических материалов: пробелы уголовного законодательства / С.В. Изосимов, Д.В. Шмыков // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2007. — № 4 — С. 133.
6. Келли Гэри Ф. Основы современной сексологии. СПб., 2000. — С. 633.
7. Комментарий к УК РФ / под ред. Наумова А.В. М., 1996. — С. 338.
8. Международное уголовное право: учеб. пособие / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1999. — С. 173.
9. Петросян О.Ш. Уголовная ответственность за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. — С. 9.
10. Родионов А. Борьба с незаконным распространением порнографических материалов // Профessionал. — 2000. — № 2. — С. 15.
11. Савельева О. Грязное порно или крылатый эрос? // Бизнес адвокат. — 2000. — № 9. — С. 25.
12. Fisher W.A. Violent pornography, antiwoman thoughts and antiwoman acts // Journal of Sex Research. — 1994. — № 1. — P. 23—38.

СЕКЦИЯ 10.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТРЕНИНГОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Кочесокова Залина Хазраталиевна

*канд. экон. наук, доцент кафедры СД
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета России,
Россия, г. Нальчик*

Машекуашева Маргарита Хасанбиевна

*канд. психол. наук, старший преподаватель кафедры ОПД
Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета России,
Россия, г. Нальчик
E-mail: mashekuasheva@mail.ru*

CURRENT ISSUES OF SOCIAL-PSYCHOLOGICAL TRAINING IN THE ACTIVITIES OF POLICE

Kochesokova Zalina Hazrataliyevna

*ph.D., assistant professor of DM North-Kavkazskogo of Institute
of Advanced Studies (branch) Krasnodarckogo univerciteta Roccii,
Russia, Nalchik*

Mashekuasheva Margarita Hasanbiyevna

*ph.D., senior lecturer in the HPD North-Kavkazskogo of Institute
of Advanced Studies (branch) Krasnodarckogo univerciteta Roccii,
Russia, Nalchik*

АННОТАЦИЯ

В статье раскрываются специфика и актуальные вопросы организации психологической подготовки сотрудников спецподразделений с использованием интерактивных форм обучения, в частности тренинговых программ.

ABSTRACT

The article describes the specific and urgent issues of the organization of psychological training of law enforcement officers using interactive forms of education, including training programs.

Ключевые слова: тренинговые программы, профессиональная компетентность, сотрудники ОВД, психологическая подготовка, правоохранительные органы.

Keywords: training programs, professional competence, employees of ATS, psychological training, law enforcement agencies.

Значимость специальной психологической подготовки сотрудников правоохранительных органов является актуальной независимо от специфики их деятельности, которая в первую очередь связана с высокой степенью риска, опасностью для жизни и здоровья, осознанной высокой ответственностью за результаты выполнения служебных задач.

В современных условиях деятельности правоохранительных органов психологическая компетентность специалистов все в большей мере приобретает значение профессионально важного качества.

Необходимость проведения мероприятий профессионального психологического отбора определяется:

- повышенными требованиями к индивидуально-психологическим качествам снайперов, включенных в сложные системы «человек — военная техника»;
- высокой ценой ошибок снайперов в процессе профессиональной деятельности;
- необходимостью снижения экономических потерь вследствие отчисления кандидатов в снайперы из учебных подразделений или отстранения их от занимаемых должностей по профессиональной непригодности.

Таким образом, обеспечивается предупреждение значительной части профессиональных ошибок и нервно-психических срывов в ходе боевых действий или специальных операций, развития в дальнейшем нервно-психических расстройств и заболеваний.

Изучить профессионально важные свойства личности, обеспечить математический расчет и анализ результатов тестирования

кандидатов, унифицированные приемы обобщения диагностической информации можно только при разумном сочетании обоснованных и экспериментально проверенных методов и конкретных методик профессионального отбора, в основу применения которых должен быть положен системный подход и стандартизированная схема получения данных о деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Целостное изучение проблем отбора, оценка профессиональной пригодности и прогнозирование возможности развития психических функций человека в дальнейшем предполагают широкое привлечение разнообразных методов добывания, обработки, анализа и обобщения научных данных.

В настоящее время целый ряд проблем профессионального психологического отбора по некоторым своим аспектам достаточно полно и глубоко разработаны, а проведение отбора на ряд профессий (пилоты, моряки и др.) продемонстрировало высокую его профессиональную эффективность [6] например, в органах пограничной службы Российской Федерации психологические задания сведены в унифицированный комплект тестов, который содержит пять психофизиологических тестов и три личностных опросника.

При оценке профессиональных способностей должна предусматриваться возможность их изменения, развития, поэтому [1] изучение состояния специальностей выступают:

- избирательность на уничтожение командного состава,
- индивидуальная и самостоятельная работа в бою.

Качество деятельности на данной должности для успешного выполнения задачи подразделением имеет решающее значение. Кандидату на должность сотрудника спецподразделения, не имеющему соответствующего специального образования, для устойчивого овладения данной специальностью необходимо не менее 6 месяцев. Мастерство в значительной мере обусловлено постоянными тренировками.

Эмоциональная и нервно-психическая неустойчивость значительно влияют на качество деятельности.

Основные психические функции загружены в условиях выполнения поставленной задачи (по четырехбалльной шкале: 3 — сильно; 2 — средне; 1 — слабо; 0 — не загружено).

- ощущение 2
- восприятие 3
- внимание 3
- представление 3

- воображение 2
- память 3
- мышление 2
- речь 1
- эмоции 2
- волевые процессы 3
- психомоторика (координация движений) 3

Рассмотрим профессионально-важные качества снайпера, психические качества:

1. эмоциональная устойчивость,
2. решительность,
3. смелость,
4. хладнокровие,
5. умение сохранять работоспособность в условиях дефицита времени,
6. умение сохранять активность при малой загруженности.

Психофизиологические качества:

1. умение принять решение в короткие сроки,
2. глазомер,
3. умение выделить в информации главное,
4. быстрая двигательная реакция на зрительный раздражитель,
5. длительное сохранение внимания,
6. оценка и сравнение размеров зрительного раздражителя.

Перечисленные в профессиограмме требования выделены из психологической характеристики профессии, составленной на основе анализа соответствующей литературы, наблюдений и бесед со специалистами, и не могут рассматриваться в качестве критериев отбора до тех пор, пока не будут подвергнуты экспертной и экспериментальной проверке.

Как другой из вариантов изучения параметров структуры личности кандидата можно использовать 16-ти факторный опросник Кеттелла, по которому сотрудники вполне могут соответствовать психологическому портрету снайпера. Например:

№ 123110205 Адекватная самооценка на фоне высокой эмоциональной зрелости. Эмоционально устойчив, невозмутим. Спокойно относится к нерешенным эмоциональным проблемам. Высокий уровень эмоциональной устойчивости позволяет хорошо адаптироваться при психологических расстройствах. Нормальный уровень интеллекта, абстрактное мышление, сообразительность, быстрая обучаемость. Склонен к обособленности, эмоциональной сдержанности, сухости. Скромный, послушный. Рассудительный, неторопливый, предусмотрительный. Самостоятельный, находчивый,

предлагающий собственное мнение, решение. Обладает чувством ответственности, высоким самоконтролем, стойкими моральными принципами, обязателен, добросовестен, сознателен. Глубоко порядочен не потому, что это может оказаться выгодным, а потому, что не может поступать вопреки своим убеждениям. Стремится к утверждению общечеловеческих ценностей, сам себя считает носителем нравственных правил. Часто это носитель норм своей культуры, своей социальной группы. Смел в социальном и эмоциональном смысле, в физически опасных ситуациях. На него мало действует угроза. В социальном плане «толстокож». Хорошо переносит утомление. Суровый, может быть жестоким. Человек ответственный и независимый. Больше верит рассудку, чем чувствам. Не поддается обману. Достаточно консервативен. Лучше чувствует себя в ситуациях, характеризующихся стабильностью и предсказуемым исходом. Волевой. Настойчивый.

№ 1231103201 Высокая самооценка на фоне высокой эмоциональной зрелости. Эмоционально устойчив, невозмутим. Спокойно относится к нерешенным эмоциональным проблемам. Высокий уровень эмоциональной устойчивости позволяет хорошо адаптироваться при психологических расстройствах. Может иметь место эмоциональная ригидность с преобладанием процесса торможения. Обладает конкретным мышлением, невысоким интеллектуальным уровнем с низкой способностью к обучению. Добродушен, общителен. Независим, настойчив. Самостоятельный, находчивый, предлагающий собственное мнение, решение. Рассудительный, неторопливый, предусмотрительный. Обладает чувством ответственности, высоким самоконтролем, стойкими моральными принципами, обязателен, добросовестен, сознателен. Глубоко порядочен не потому, что это может оказаться выгодным, а потому, что не может поступать вопреки своим убеждениям. Стремится к утверждению общечеловеческих ценностей, сам себя считает носителем нравственных правил. Часто это носитель норм своей культуры, своей социальной группы. Смел в социальном и эмоциональном смысле, в физически опасных ситуациях. На него мало действует угроза. В социальном плане «толстокож». Хорошо переносит утомление. Эстет. Не любит «грубых людей» и «грубые профессии» крайне осторожен. Подозрительный, сомневающийся, упрямый, осмотрительный. Мало заботится об окружающих, плохо работает в группе. Самонадеян, чувство вины отсутствует. Достаточно консервативен. Лучше чувствует себя в ситуациях, характеризующихся стабильностью и предсказуемым исходом. Имеет тенденцию к сильному контролю эмоций. Проявляет самоуважение. Склонен к упрямству. Возбудим. Беспокоен, раздражителен, нетерпелив. Быстро утомляем, но не способен быть бездеятель-

ным (!). Однако, имея высокий волевой и эмоциональный уровень устойчивости, вполне может справляться с этим недостатком. Полученные психологические характеристики вполне соответствуют, как портрету снайпера правоохранительных органов, так и портрету будущего киллера.

Таким образом, одним из основных критериев отбора, по мнению авторов, отличающих одно от другого должен стать достоверный способ определения таких характеристик как чувство долга, высокие моральные принципы, чувство ответственности» честность, неподкупность, которые воспитываются с детских лет.

Психологическая практика показывает, что данные характеристики очень сложно отследить тестовым методом из-за их явной мотивационной направленности (т. е. «если мне это надо, то я напишу, что я хороший»). В этой ситуации может оказаться полезным биографический метод исследования, когда становление личности кандидата «отслеживается» чуть ли не со школьной скамьи. Где, когда родился, где учился, в какой семье воспитывался, кто родители, каково окружение и т. д. Также уместно было бы вспомнить и о таком понятии как «профессиональная культура». Имеется ещё одно замечание.

Тестирование на добровольной основе этой категории слушателей неуместно. Должно понять, что сотрудник состоит на особой службе, требующей от него принятия возможности вмешательства государства в его частную жизнь, т. е. жизни под подпиской, как это делается в специальных подразделениях за рубежом.

Список литературы:

1. Борисов В.Н. Социально-психологический тренинг межличностного общения: Учебно-метод. пособие. Домодедово: РИПК МВД РФ, 1995.
2. Дебольский М.Г. Проведение социально-психологических тренингов в уголовно-исполнительной системе: Учеб. пособие. М.: Академия МВД России, 1996.
3. Макшанов С.И., Хрящева Н.Ю. Психогимнастика в тренинге. СПб., 1993.
4. Методы эффективного обучения взрослых: Учебно-метод. пособие. Москва-Берлин: Институт повышения квалификации государственных служащих. Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, 1998.
5. Петровская Л.А. Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга. М., 1982.
6. Прутченков А.С. Социально-психологический тренинг межличностного общения. М., 1992.
7. Умаров М. Особенности психологической подготовки стрелка. М.: Физкультура и спорт, 1960.
8. Яковлев Т.С. Снайпер — профессия героическая. М.: Воениздат, 1990.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

«ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ»

Материалы XXVIII международной заочной научно-практической
конференции

28 августа 2013 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 04.09.13. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 7,625. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3